

11822

~~15804~~

Выставка въ Стокгольмѣ
1897 г.

Лисьма

Пурцста

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1897

Изданія К. Ю. Геруца:

- В. Тепловъ**, «Смутное время и дворцовый переворотъ въ Константинополѣ» (Записки очевидца). Съ видами и портретами. 2-е издание. 1897 г. 170 стр. Цѣна **1** руб
- С. Печоринъ**, «Утро души». Книга шаржей и парадоксовъ. Спб., 1897 г. 203 стр. Цѣна **75** к.
- Н. Львовъ**, «У камелька». Сборникъ повѣстей и рассказовъ изъ фантастической и реальной жизни. 264 стр. Цѣна **60** к.
- «**Волна**». Сборникъ русской художественной лирики. Изящное миниатюрное издание въ переплетѣ. 330 стр. Цѣна въ переплетѣ . . **80** к.
Налож. платеж. **1** руб.
- В. Н. Никитинъ**, «Многострадальные». Очерки прошлаго. Двѣ части въ одномъ томѣ. 276 стр. Цѣна **1** р. **50** к.
- Никитинъ**, Разнообразіе. Повѣсти, рассказы и очерки. 378 стр. Цѣна **1** руб.
- «**Высочайшій Коронаціонный Манифестъ**» 1896 года. Неофициальное издание съ азбучнымъ предметнымъ указателемъ. Цѣна **2** к.

11822

ВЫСТАВКА ВЪ СТОКГОЛЬМЪ

1897 г.

~~15801~~

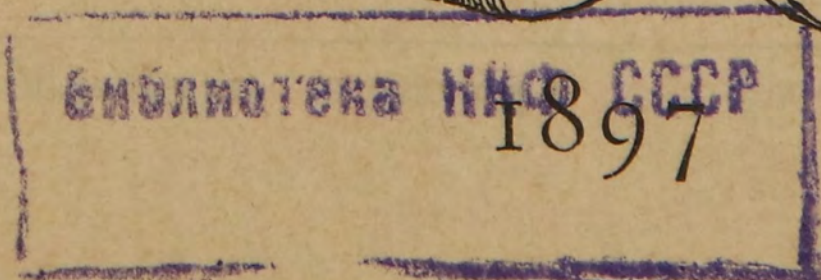
ПИСЬМА ТУРИСТА

М. Бринъ

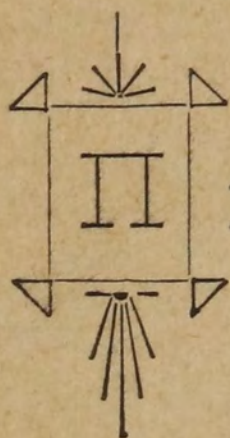
ИРИСИЯВЪ ИЗДАНИЕ ПЕРУЦА

К

Дозволено цензурою. Спб. 10 октября 1897 г.

ы1919

Письма, составляющія содержаніе этой брошюры, печатались лѣтомъ 1897 года на столбцахъ газеты «Новое Время».

Въ виду общаго интереса, замѣчаемаго въ послѣднее время къ Скандинавскимъ народамъ въ средѣ нашего общества, быть можетъ, не покажется излишнимъ отдѣльное изданіе этихъ бѣглыхъ очерковъ.

У. Тринъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Письмо первое	1
Письмо второе	6
Письмо третье	13
Письмо четвертое	22
Письмо пятое	33
Письмо шестое	43
Письмо седьмое	55
Письмо восьмое	65
Письмо девятое	77
Письмо десятое	85

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Въ Стокгольмъ, благодаря открытой въ немъ выставкѣ, устремляются сотни тысячъ посѣтителей со всѣхъ концовъ Европы и другихъ частей свѣта.

Хотя первая выставка, напоминавшая наши современныя, была, какъ извѣстно, уже съ небольшимъ столѣтьемъ тому назадъ, а именно въ 1763 году въ Парижѣ, но значеніе, какое онѣ имѣютъ нынѣ, получили, начиная съ 1798 года, т. е., съ первой парижской промышленной выставки, главнымъ же образомъ со всемірной выставки, устроенной въ Лондонѣ въ 1851 году. Уже на этомъ первомъ всемірномъ торжищѣ насчитывалось 13 тысячъ экспонентовъ и 6 мил. посѣтителей, а на послѣдней парижской выставкѣ цифра первыхъ дошла до 52 тыс., а вторыхъ до 12 мил. Никогда, въ иныя времена, не происходило на незначительномъ, сравнительно, про-

странствѣ такого многочисленнаго стеченія народностей съ цѣлями мирнаго характера. Лишь въ послѣднее полу- столѣтіе установился знаменательный для человѣческой культуры фактъ, что не однѣ войны, въ которыхъ воюющія стороны имѣютъ случай испытать способность другъ друга наносить и получать удары—содѣйствуютъ ознакомленію разноплеменныхъ людей между собою. Въ наше время народы широко открываютъ свои двери для дружескихъ сношеній, исключаящихъ былыя холодныя и надменные отношенія, при которыхъ не могло имѣть мѣсто истинное пониманіе. Они встрѣчаются на всемірныхъ турнирахъ: выставкахъ, съѣздахъ, конгрессахъ—для культурнаго обмѣна мыслей,—на турнирахъ, гдѣ каждый народъ, движимый патріотизмомъ, стремится выказать себя во всемъ блескѣ, не чуждаясь при этомъ заимствованій у другихъ, не уклоняясь отъ полезныхъ уроковъ и примѣровъ.

Несомнѣнно, что одинъ такій культурный обмѣнъ мыслей стоитъ иныхъ выигранныхъ сраженій. Русскіе люди проявляютъ давно мирную пытливость, любознательность, можетъ быть, никакому иному народу несвойственную, способность къ проникновенію въ чуждую жизнь, къ воспріятію ея формъ и духа.

Въ русскомъ обществѣ съ давнихъ поръ укоренился обычай посѣщать Европу, изучать иностранные языки и литературы. Европейскіе геніи чтутся у насъ не менѣе, чѣмъ на ихъ родинѣ, иные же изъ иностранныхъ талантовъ впервые получили свою популярность именно въ нашемъ отечествѣ. Европейцы же лишь весьма недавно

принялись изучать другъ друга безъ предвзятой мысли о своемъ безконечномъ превосходствѣ. Что касается Россіи, то понятія о ней, какъ извѣстно, еще въ недалекомъ прошломъ были у нихъ весьма сбивчивы и смутны.

Открытая теперь въ Стокгольмѣ выставка представитъ еще разъ случай для братской встрѣчи народовъ и поводъ многимъ тысячамъ людей ознакомиться со Скандинавіей, съ этой полуночной страной, съ родиной древнихъ скальдовъ и новыхъ писателей и композиторовъ, къ которымъ съ такимъ интересомъ сталъ прислушиваться за послѣднее время весь образованный міръ, съ родиной Ибсена, Бьернсона, Стриндберга, Грига и Свендсена,— со страной, столь мало у насъ популярной.

Не говоря о Норвегіи, даже Швеція, несмотря на близкое сосѣдство съ нами, несмотря на значеніе ея исторіи для нашего отечества, является для насъ лишь интересной незнакомкой и свѣдѣнія о ней далеко менѣе распространены въ Россіи, чѣмъ о какой-либо иной отдаленной странѣ, хотя бы объ Испаніи. Въ то время, какъ мы узнаемъ со скоростью движенія курьерскаго поѣзда о появленіи новой «звѣзды» въ какомъ-нибудь французскомъ шато-де-флерѣ, о возникшей въ средѣ парижскихъ бульварныхъ франтовъ новой модѣ на сюртуки,—представленія о сосѣдней столицѣ Швеціи у насъ очень туманны. Изъ числа русскихъ туристовъ, наводняющихъ всѣ сколько-нибудь выдающіеся по своей красотѣ уголки Европы, въ Швецію отправляются лишь весьма немногіе: истинные любители поэзіи, хро-

ническіе или временные пессимисты, убѣгающіе отъ банальныхъ условій жизни европейскихъ модныхъ курортовъ, чтобы вполнѣ отдохнуть душой на лонѣ своеобразной природы Скандинавіи, а также ученые, которые находятъ въ ней обширное поле для всякаго рода изслѣдованій. Литература Швеціи является областью для насъ почти нетронутою. Въ журналахъ время отъ времени появляются переводы романовъ новыхъ шведскихъ писателей. Мы любимъ читать описанія жизни сѣвернаго народа, но многіе ли знаютъ имя Тегнера, умершаго въ 50-хъ годахъ нашего вѣка, перелившаго древнія саги въ такую прекрасную форму, понятную и близкую современному человѣчеству, его поэму «Фритъофъ», хотя она имѣется въ переводѣ на русскомъ языкѣ (Я. Грота, 1841 г.), его превосходную религіозную поэму «Дѣти причастія» *). Многіе-ли образованные люди среди насъ могутъ похвастаться знакомствомъ съ поэтомъ Стагнеліусомъ, котораго, несмотря на его недостатки, признаютъ замѣчательнѣйшимъ изъ шведскихъ поэтовъ? Извѣстно-ли большинству изъ нынѣшнихъ символистовъ и декадентовъ, что у Стагнеліуса, умершаго въ первой четверти нашего столѣтія, когда о вышеназванныхъ направленіяхъ литературы еще не было рѣчей, мы находимъ такія выраженія: «голубая скорлупа вселенной», «хрустальная гора», «смарагдовое основаніе», «мистиче-

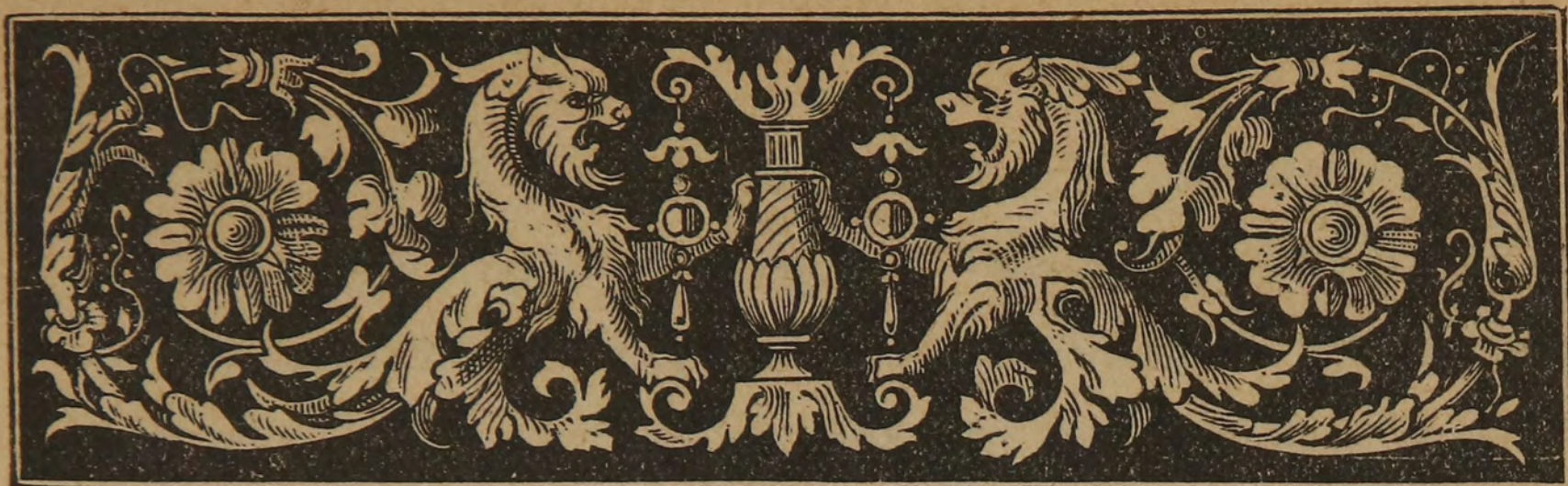
*) Поэма эта переведена по-русски въ 1862 году В. И. Головинымъ подъ названіемъ «Первое причащеніе».

скіе перлы слезъ», «благовонные, какъ амбра, поцѣлуи», «мягкій дернъ нарда» и тому подобные цвѣты такъ называемаго декадентскаго краснорѣчія, составляющіе темную сторону этого выдающагося и благороднаго таланта, точно такъ же, какъ и слишкомъ продолжительная скорбь его о душѣ, «плѣненной въ гаремѣ Деміурга и вздыхающей о чертогахъ Плеромы».

Достойны получить извѣстность у насъ и другія имена писателей и поэтовъ, о которыхъ мы, можетъ быть, будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ впоследствии. А цѣлый рядъ очень мало извѣстныхъ у насъ шведскихъ женщинъ, съ давнихъ поръ со славой выступавшихъ на литературномъ поприщѣ и отважно боровшихся за присвоеніе женщинамъ иныхъ правъ, кромѣ съ начала вѣковъ предоставленнаго имъ права умирать отъ родовъ. Фредерика Бремеръ, Карлень, Кнорингъ, Шарлотта Норденфлихтъ, эта шведская Сафо, и Ленгрень, прозванная въ Швеціи десятой музой (въ честь ея шведская академія выбила медаль, гдѣ она представлена богиней), во многихъ отношеніяхъ стоятъ нашего вниманія.

Мы увѣрены, что только теперь, благодаря выставкѣ въ Стокгольмѣ, петербургскіе туристы узнали, что столица Швеціи, отдѣленная отъ насъ лишь на 39 часовъ морского пути, является однимъ изъ красивѣйшихъ, живописнѣйшихъ городовъ Европы, въ которомъ, помимо выставки, можно найти слишкомъ много для наблюденія, изученія и восхищенія.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Въ наше время ни одно путешествіе не можетъ больше представлять прелести новизны. Теперь трудно встрѣтить чѣмъ нибудь замѣчательную мѣстность, о которой не было бы множества болѣе или менѣе красно-рѣчивыхъ описаній; даже путеводители не ограничиваются сухимъ перечисленіемъ достопримѣчательностей даннаго мѣста. Они предвосхищаютъ ваши чувства, самыя сложныя. Отправляясь въ Стокгольмъ, мнѣ интересно было получить непосредственныя впечатлѣнія, но путеводители, которыми мнѣ пришлось воспользоваться, не удовольствовались сообщеніемъ сухихъ свѣдѣній объ отеляхъ, ресторанахъ, театрахъ и т. п., а предусмотрѣли всѣ чувства, которыя предстоятъ испытать туристу при видѣ тѣхъ или иныхъ зданій или видовъ. Еще въ Петербургѣ я зналъ, что Ryddarholms Kyrkan, ридаргольмская церковь, произведетъ на меня «непріятное чувство запущенности»,

что при вступленіи въ этотъ храмъ «душу невольно схватываетъ печальное чувство». Въ другомъ изданіи подобнаго рода точно опредѣлена и степень нашего восторга. «Желаете ли вы видѣть самый красивый видъ Стокгольма? Поѣзжайте-же въ Мозенбакъ, поднимитесь-же на элеваторъ, это-же что-нибудь необыкновенное!», читаемъ мы въ русскомъ словарѣ Э. Селлинга (Руководство для посѣтителей сѣверной выставки въ Стокгольмѣ).

Но помимо книгъ, путеводителей и рассказовъ свѣдущихъ людей, первое свѣжее впечатлѣніе нарушается вашей собственной фантазіей, забѣгающей далеко впередъ.

Еще когда я готовился къ предстоявшему мнѣ впервые морскому путешествію, мнѣ уже слышалась вся симфонія звуковъ, приписываемыхъ морскимъ волнамъ; когда я только садился на пароходъ, мнѣ уже мерещились всѣ символы, которыми наполненъ поэтическій лексиконъ пѣвцовъ моря. Какъ это часто бываетъ, все происходило не такъ, какъ я ожидалъ. По мѣрѣ удаленія нашего отъ пристани, красивая столица наша не исчезала «въ блескѣ яркаго заката» или другимъ какимъ-нибудь великолѣпнымъ образомъ. Она скрывалась мало-по-малу въ туманѣ безъ всякаго эффекта, подобно второстепенной актрисѣ, кончающей свою сцену безъ выигрышной фразы. Когда мы вступили въ открытое море, волны «не рокотали», «не вздымались», «не пѣнились», «не золотились», — онѣ просто мѣрно катились, тяжелыя, сѣрыя. Небо было покрыто скучными тучами. Солнце въ теченіи всего пути показалось лишь два раза, когда мы вступили въ шхеры,

и то не на долго, какъ бы для того, чтобы показать, какой волшебной можетъ быть поѣздка мимо причудливо раскинутыхъ по морю острововъ при благопріятныхъ условіяхъ.

Вслѣдствіе дурной погоды, переполнявшіе пароходъ пассажиры толпились въ общихъ каютахъ, особенно въ столовой, проводя время за ѣдой. Врядъ ли, однако, многіе, несмотря на апетитъ, могли одолѣть обильныя трапезы, состоявшія изъ горячихъ блюдъ и безконечнаго количества всевозможныхъ закусокъ, сервировавшихся шведами неизмѣнно три раза въ день. Насъ удивляла ловкость, съ какою прислуживавшія на пароходѣ молодыя шведки справлялись со своимъ труднымъ дѣломъ. Насъ поражало достоинство, какое онѣ сохраняли при этомъ. Онѣ скорѣе походили на барышень, продающихъ шампанское на благотворительныхъ базарахъ, нежели на простыхъ служанокъ, работающихъ ради насущнаго хлѣба. Явленіе это не покажется удивительнымъ, если знать, что эти служанки не только умѣютъ читать и писать, но обладаютъ свѣдѣніями по географіи, исторіи, литературѣ и т. п. предметахъ, изучаемыхъ въ народныхъ школахъ, пройти которыя въ Швеціи должны обязательно всѣ.

Когда поднялась качка, столовая и гостиная опустѣли, всѣ скрылись въ своихъ каютахъ. Свѣдущіе люди говорятъ, что во время качки слѣдуетъ лечь и совѣтуютъ вдобавокъ спокойно терпѣть, — средство, къ которому,

скажемъ между прочимъ, не дурно прибѣгать и во многихъ иныхъ житейскихъ невзгодахъ.

Къ концу пути погода нѣсколько поправилась, въ воздухѣ потеплѣло, но небо все оставалось тусклымъ и Стокгольмъ предсталъ передъ нами, подернутый легкой мглой. Его красивыя зданія, расположенныя на скалистыхъ терассахъ вдоль береговъ Ботническаго залива, врѣзывающагося въ самый центръ города, виднѣлись еще издали. Особенно выступали купола главнаго корпуса выставки, возвышающіеся надъ красивымъ городомъ съ церквами готической архитектуры и строгаго стиля домами, насильно привлекая вниманіе путешественниковъ.

Мы ѣдемъ городомъ, красивѣйшей его частью, такъ какъ гавань находится почти въ центрѣ Стокгольма.

Переноска багажа съ парохода въ таможду, осмотръ его таможенными чиновниками, а оттуда въ удобный, щегольской экипажъ—все производится съ необычайной быстротой, безъ суеты, шума, толкотни, вымогательства, формальностей, почти безъ вашего участія.

Гостиница здѣсь, какъ и все вообще, содержится въ величайшей чистотѣ и въ необыкновенномъ порядкѣ. Не смотря на выставку, на огромное стеченіе пріѣзжихъ, шведы не дерутъ съ васъ три шкуры. Такъ, напримѣръ, въ Hôtel Rydberg (Рюдбергъ), первоклассной гостиницѣ Стокгольма, изъ оконъ которой открывается видъ на королевскій дворецъ и Ботническій заливъ, можно найти комнату за 6 кронъ въ сутки (крона 52 коп.), притомъ всѣ номера, даже выходящіе на чистый дворъ и стоящіе

пять кронъ, снабжены электрическимъ освѣщеніемъ и телефономъ. Разница нынѣшнихъ цѣнъ противъ прежнихъ, обозначенныхъ въ Бедкеръ и другихъ путеводителяхъ очень незначительная. Путешественникамъ рѣдко бываетъ пріятно находиться въ роли барановъ, которыхъ стригутъ, поэтому эта дешевизна сразу настраиваетъ пріѣзжаго въ пользу шведовъ, а любезность ихъ и обходительность прямо очаровываютъ.

Конечно, для незнакомаго со шведскимъ языкомъ, отношенія съ этими милыми «сѣверными французами» значительно затрудняются. Приходится объясняться съ ними при помощи жестовъ. Подобнаго рода объясненія ставятъ нерѣдко говорящихъ въ комическія положенія, но никогда не приводятъ къ «печальнымъ недоразумѣніямъ». Впрочемъ, многіе здѣсь понимаютъ по-нѣмецки, по-англійски и по-французски. Къ услугамъ русскихъ путешественниковъ, отправляющихся на Сѣверную выставку, имѣются руководства, въ которыхъ русскій человѣкъ, не знающій иностранныхъ языковъ, можетъ найти необходимыя для обыденнаго обихода шведскія фразы, написанныя по-русски. Въ одномъ изъ упомянутыхъ руководствъ намъ встрѣтились фразы, пригодныя даже и для утонченныхъ бесѣдъ, какъ, на примѣръ, мудрое изреченіе: «пьяный проспится, дуракъ—никогда».

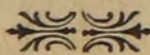
При помощи всѣхъ этихъ способовъ выраженія здѣсь можно провести недѣльку съ удовольствіемъ, наглядѣться на интересный городъ и его окрестности, набраться впечатлѣній съ выставки и получить много полезныхъ уро-

ковъ, особенно въ области общежитія. Одинъ изъ моихъ спутниковъ въ прошломъ году при помощи лишь одной мимики съумѣлъ отыскать на здѣшнемъ кладбищѣ могилу Софьи Ковалевской. На другой день послѣ нашего прїѣзда въ Стокгольмъ онъ свелъ туда и меня.

Чтобы добратся до этой могилы, намъ надо было пройти все кладбище, утопающее въ живыхъ цвѣтахъ. Кусты бѣлой и лиловой сирени душистыми вѣтками обнимаютъ могильныя плиты и говорятъ о трогательной заботливости живыхъ къ своимъ усопшимъ краснорѣчивѣе затѣйливыхъ надгробныхъ сооруженій, которыми стокгольмское кладбище и не изобилуетъ. Могила Ковалевской находится въ сосновой рощѣ, на самомъ скатѣ холма, возвышающагося надъ остальнымъ пространствомъ кладбища. Темная мраморная плита съ надписью: «Софїи Васильевнѣ Ковалевской—ея русскіе друзья», и простой мраморный крестъ—обозначаютъ мѣсто вѣчнаго успокоенія этой замѣчательной личности. У подножія плиты лежитъ въ жестяномъ футлярѣ со стеклянной крышкой фарфоровый вѣнокъ съ надписью на бѣлыхъ съ траурной каймой лентахъ: «отъ комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ». По правдѣ сказать, этотъ искусственный вѣнокъ въ футлярѣ не гармонируетъ со строгимъ характеромъ могилы въ тѣни вѣчно зеленыхъ сосенъ и съ образомъ покоящейся въ ней женщины, проведеншей золотые годы своей молодости надъ рѣшеніемъ математическихъ вопросовъ. Вскорѣ у подножія этой плиты ляжетъ еще одинъ фарфоровый

вѣнокъ въ жестяной обложкѣ отъ Женскаго взаимно-благотворительнаго общества, который пока красуется на выставкѣ.

Когда я осматривалъ въ теченіе этого дня разныя картины на международной художественной выставкѣ, передо мною все время мелькалъ образъ молодой женщины, трудящейся надъ отысканіемъ «новаго случая рѣшенія задачи о вращеніи твердаго тѣла около неподвижной точки» и углубленной въ эту работу, заслужившую одобренія строгаго синклита парижской академіи наукъ...

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Для обозрѣвателей Стокгольма и его окрестностей, какъ мы уже сказали въ прошломъ письмѣ, есть обстоятельные путеводители на многихъ языкахъ, даже на русскомъ (составленный Волковымъ). Что же касается выставки, которая теперь, конечно, является главнымъ поводомъ для посѣщенія этого интереснаго города, то администрація ея, при всей своей заботливости о публикѣ, не подумала объ изданіи хотя бы на одномъ изъ европейскихъ языковъ каталоговъ, указателей и плановъ, которыя помогли бы путешественнику ориентироваться въ лабиринтѣ павильоновъ съ чуждыми для него надписями. Вслѣдствіе этого туристъ тратитъ на обзоръ выставки больше времени, чѣмъ слѣдуетъ, и при томъ пропускаетъ многое, достойное вниманія.

Выставка раскинута на обширномъ пространствѣ Дьургордена (Dgürgården), бывшаго звѣринца, а нынѣ

любимомъ мѣстѣ прогулокъ стокгольмскихъ жителей, главнымъ средоточіи мѣстныхъ увеселеній. Обиліе зелени и прелестное мѣстоположеніе этого парка на берегу залива даетъ возможность одновременно восхищаться и произведеніями человѣческихъ рукъ, и красотой природы.

Со стороны «континента» попадаютъ къ главному входу выставки, къ которому ведутъ конножелѣзныя дороги, а со стороны залива, по которому снуютъ безчисленные пароходы,—къ другому входу. Мы обыкновенно пользовались пароходомъ, который, скользя мимо королевскаго дворца, романтическихъ острововъ Шопсгольменъ и Кастельгольменъ, мимо красивой панорамы улицъ, очень быстро доставлялъ насъ къ мѣсту назначенія. Отъ пристани два шага къ павильону машиннаго отдѣла (Maskinhallen), составляющему входъ на выставку со стороны залива.

Кого не занимаютъ машины, впрочемъ, очень интересныя, ибо металлургія Швеціи, по словамъ авторитетовъ, представлена на нынѣшней выставкѣ въ отличныхъ образцахъ—тотъ можетъ пройти мимо. Знающіе хоть немного шведскій языкъ запасаются здѣсь отпечатываемымъ на вашихъ глазахъ планомъ выставки. По такому плану легко найти зданіе промышленнаго отдѣла Industrihallen, составляющее главный корпусъ выставки. Онъ виднѣлся намъ еще издали съ парохода и принадлежитъ къ числу тѣхъ выставочныхъ сооруженийъ въ родѣ Эйфелевой башни, цѣль которыхъ привлекать прежде

всего общее вниманіе. Постройка эта вполнѣ удовлетворяетъ этой цѣли. Это высокое, очень оригинальное куполообразное зданіе, съ четырьмя башнями по угламъ, верхушки которыхъ сообщаются висящими въ воздухѣ мостиками съ главной средней частью, задуманной въ родѣ какой-то короны. Оно возвышается надъ всѣмъ городомъ и имѣетъ вмѣстѣ съ флагштокомъ 97 метровъ вышины. Постройка эта возведена изъ дерева. Такъ какъ сооруженіе зданія подобныхъ размѣровъ изъ лѣснаго матеріала представляетъ значительныя техническія трудности—Industrihallen является своего рода кунштюкомъ, вызывающимъ удивленіе знатоковъ строительнаго искусства.

Въ этомъ зданіи сосредоточены образцы промышленности Швеціи, Норвегіи, Даніи и Россіи. Посѣтитель, держась нашего пути, прежде всего попадаетъ въ норвежскій отдѣлъ, а именно въ секціи Sport och Turistväsen, гдѣ среди множества выставленныхъ лыжъ, коньковъ, снастей и иныхъ принадлежностей судоходства и спорта, на возвышеніи, украшенномъ бюстомъ Нансена, можно видѣть подлинныя лодку и сани, которыми пользовался этотъ смѣлый изслѣдователь полярныхъ странъ, лапландскую одежду, защищавшую его отъ стужи, и чучелы двухъ собакъ, его вѣрныхъ спутниковъ и друзей. Если не ошибаюсь, это именно тѣ двѣ собаки, о которыхъ Нансенъ такъ трогательно рассказалъ въ описаніи своего путешествія и которые окончили свои дни при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Уголокъ этотъ,

почти незамѣтный и столь много говорящій о безграничной отвагѣ чловѣческаго духа, составляетъ главное украшеніе норвежскаго выставочнаго отдѣла, гордость всей Скандинавіи.

Туристъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи немного времени и не задающійся спеціальными цѣлями, не вдаваясь въ очень подробный обзоръ этого отдѣла, перейдетъ въ шведскій отдѣлъ, самый обширный. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на фарфоры Rörstrand, весьма изящные и нѣжные, Фарфоры эти не безъ основанія фигурируютъ въ національномъ музеѣ Стокгольма. Нѣкоторыя вазы, замѣчательныя по красотѣ формъ, разрисованы извѣстными художниками. Такъ, на примѣръ, большая ваза съ павлинами принадлежитъ кисти женщины, госпожѣ Voberg. Въ этомъ отдѣлѣ нельзя пройти мимо изящныхъ бронзовыхъ издѣлій фабрики Sporang и С^o; мимо выставокъ интересной мебели и т. п. Но главнымъ образомъ не слѣдуетъ пропустить безъ серьезнаго вниманія издѣлія ручнаго труда, которыя приобрѣли всемірную извѣстность. Тутъ можно видѣть замѣчательные образцы ручныхъ тканей стариннаго стиля, такъ называемыя Haute-lisse, родъ гобленовъ, всевозможное шитье по староскандинавскимъ рисункамъ изъ шерсти, домашней пряжи и окраски. Подобнаго рода работы въ старину производились по деревнямъ, но подъ давленіемъ измѣнившихся обстоятельствъ послѣдняго столѣтія, стали выводиться вмѣстѣ съ исчезновеніемъ работницъ. Искусство стариннаго шитья и тканья не угасло у скандинавцевъ оконча-

61819
тельно лишь благодаря «Обществу любителей ручного труда», основанному въ Стокгольмѣ въ 1874 году писательницей Софіей Лейнвудъ Адельспарре, художницей Анной Винге и другими. Главной цѣлью ихъ было возрожденіе благороднаго національнаго искусства, которое ко времени основанія Общества пришло въ такой упадокъ, что во всей Швеціи еле отыскалось лишь нѣсколько старыхъ крестьянокъ, знавшихъ эти удивительныя работы и передавшихъ свое умѣнье энергичнымъ основательницамъ Общества. Теперь въ однѣхъ мастерскихъ Стокгольма, какъ говорятъ, насчитывается до двухъ сотъ ученицъ, не говоря о множествѣ искусныхъ мастерицъ, работы которыхъ расходятся по всему свѣту и заслужили медали уже на многихъ выставкахъ. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что работы эти настолько же дороги, насколько красивы, и доступны лишь богатымъ людямъ, въ противоположность нашимъ кустарнымъ издѣліямъ, рассчитаннымъ для средняго класса, съ небольшимъ достаткомъ.

Такъ же замѣчательны и произведенія мужского ручного труда (слейда): мебель, погребцы, утварь въ древне-скандинавскомъ стилѣ и т. п.

Полную картину процвѣтающаго въ Швеціи слейда можно обозрѣть въ другомъ зданіи выставки, въ Сѣверномъ музеѣ «Nordiska Museet».

Въ томъ же зданіи экспонированъ и школьный слейдъ, дѣло, поставленное въ Швеціи образцово, какъ и школьное дѣло вообще. По выставленнымъ работамъ легко прослѣдить о систематичности, съ которой ведется обу-

ченіе ручнымъ ремесламъ и искусствамъ въ разныхъ школахъ, и о результатахъ того или иного способа обученія. Всякому слѣдуетъ непременно осмотрѣть этотъ Nordiska Museet, какъ бы мало времени у него ни было. Въ немъ собраны всевозможныя издѣлія ручного труда отъ самой простой лопатки до изящнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ произведеній. Любителямъ цвѣтовъ посоветуемъ, кстати, обратить вниманіе на сухіе букеты. Самые нѣжные полевые и садовые цвѣты кажутся свѣжими, точно сейчасъ сорванными. Здѣсь же многіе приобрѣтаютъ L. Lublins Flossa-apparat, при помощи котораго можно вышить въ нѣсколько часовъ сложный узоръ для подушки. За четыре кроны, стоимость аппарата, можно научиться въ двадцать минутъ управлять имъ. Для дѣвицъ, желающихъ сдѣлать подарокъ бабушкѣ или другой любимой родственницѣ, съ тѣмъ, чтобы потратить на это дѣло какъ можно меньше труда и времени—Flossa-apparat—чистая находка.

Въ Industrihallen слѣдуетъ осмотрѣть еще отдѣлы датскій и русскій. Въ датскомъ отдѣлѣ вниманіе каждаго останавливается на серебряныхъ издѣліяхъ Михельсена, поставщика датскаго двора, а главнымъ образомъ на великолѣпномъ серебряномъ *surtout de table*, поднесенномъ датскому королю по случаю его золотой свадьбы. Кромѣ того Данія щеголяетъ своими фарфоровыми издѣліями и произведеніями изъ терракоты.

Русскій отдѣлъ занимаетъ сравнительно небольшое пространство промышленнаго павильона, чѣмъ объясняется,

что устроители его не могли представить картину производительности Россіи такъ полно, какъ это было бы желательно для нашего самолюбія. Они, повидимому, принуждены были ограничиваться предметами, которые могутъ составлять интересъ главнымъ образомъ для шведовъ. Судя по количеству публики, всегда наполняющей нашъ отдѣлъ, по ея похвальнымъ замѣчаніямъ, по лестнымъ отзывамъ короля, почтившаго вниманіемъ представителей русскаго отдѣла, устроители его не ошиблись. Издѣлія Киштымскаго завода производятъ фуроръ. Почти на всѣхъ выставленныхъ предметахъ навѣшаны билетки såld (продано). Точно также раскупаются и наши кустарныя издѣлія, особенно вещи дешевыя.

Мнѣ пришлось пройтись по нашему отдѣлу съ одной образованной дамой, членомъ упомянутаго общества любителей ручного труда (Föreningen Handarbetetsvänner) и членомъ жюри на нынѣшней выставкѣ. Она отзывалась съ большою похвалою о нашихъ кустарныхъ издѣліяхъ, фигурирующихъ въ коллекціи, выставленной министерствомъ государственныхъ имуществъ, подъ покровительствомъ котораго нынѣ находится кустарное дѣло въ Россіи. Особенно восхищалась она стѣннымъ шкапчикомъ, замѣтивъ вообще, что рисунки многихъ національныхъ русскихъ произведеній очень напоминаютъ древне-скандинавскіе. На мой вопросъ, что ей еще нравится на нашей выставкѣ, она отвѣтила «очень многое» и обратила мое вниманіе на тульскіе самовары, формы которыхъ она нашла очень благородными, «très nobles». Гуляя съ этой

дамой, дѣлавшей такія лестныя замѣчанія по поводу нашихъ экспонатовъ, я пришелъ къ заключенію, что по временамъ не мѣшаетъ взглядывать на себя въ чужое зеркало, что это иногда бываетъ очень пріятно.

Русскому туристу, конечно, не приходится по долгу останавливаться ни передъ роялями Беккера, ни передъ шелками Сапожникова, ни передъ кавказскими издѣліями и тульскими самоварами, передъ всѣми этими предметами, хотя и достойными вниманія, но хорошо намъ знакомыми. Обыкновеннаго туриста не можетъ занимать также и сахаръ Кенига и костеобжигательные продукты завода Гутуевского острова, вывозимые изъ Россіи въ Швецію для удобренія шведскихъ полей, и пшеничная мука и т. п. предметы производства нашей страны. Кто не имѣетъ времени изучать на выставкѣ постановку дѣла народнаго просвѣщенія или предаваться изслѣдованію достигнутыхъ нами успѣховъ во всѣхъ областяхъ техники, тотъ можетъ покинуть *Industrihallen*, налюбовавшись предварительно изумительными произведеніями Императорской гранильной фабрики, фарфорами Императорскаго завода, остановившись передъ серебряными издѣліями Любавина. Любители игрушекъ могутъ еще взглянуть на художественно сдѣланную куклу (изъ коллекціи министерства государственныхъ имуществъ). Впрочемъ, теперь готовится къ открытію еще одна витрина, витрина ювелира Фаберже, въ которой, по словамъ свѣдущихъ людей, должна фигурировать какая-то удивительная серебряная обезьяна, которую мы и рекомендуемъ

посмотрѣть русскому путешественнику, и затѣмъ заняться обзоромъ многихъ другихъ весьма интересныхъ павильоновъ, описанію которыхъ мы посвятимъ слѣдующее письмо.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Касаясь шведскаго отдѣла павильона промышленности, я забылъ упомянуть о шведскихъ спичкахъ и перчаткахъ. Но эти предметы производства давно сдѣлали славу странѣ, распространены повсюду и такъ-же знамениты, какъ и «шведскіе соловьи». Я говорю не о тѣхъ соловьяхъ, подобныхъ курскимъ, которыхъ любители пѣнія лишаютъ свободы, а иногда и зрѣнія, чтобы придать мелодичному ихъ голосу больше сладости и тоски, не о тѣхъ несчастныхъ пѣвцахъ любви, описанныхъ въ чудесномъ разсказѣ Салова «Соловятники»,— я говорю о прославившихъ свою родину пѣвицахъ, въ родѣ Нильсонъ и Дженни Линдъ, которыхъ если и ослѣпляютъ, то лишь блескомъ и прелестью цвѣтовъ.

Желѣзо, дерево и рыба—эти главныя богатства Скандинавіи экспонированы въ павильонахъ: Sandvikens paviljong, Skogsutställningen, Fiskerihallen.

Многіе русскіе туристы, составляя себѣ по назва-

ніямъ этихъ павильоновъ ложное о нихъ понятіе, не оказывають имъ никакого вниманія или же попадаютъ въ нихъ случайно. Нѣкоторыя дамы полагали, что въ сандвикенсѣ павильонѣ выставлены сандвичи и, питая равнодушіе къ гастрономіи, не заглядывали въ него. Однако же въ этомъ сѣромъ, точно изъ стали скованномъ павильонѣ, названномъ именемъ мѣстности, гдѣ находится заводъ, представлены продукты желѣза, добываемаго изъ богатыхъ шведскихъ рудниковъ, славящагося своими превосходными качествами. Въ немъ собраны предметы желѣзнаго производства въ разныхъ степеняхъ обработки: отъ аморфной сырой руды до готоваго къ употребленію желѣзнаго листа, не толще почтоваго листка бумаги, отъ незатѣйливаго молота, въ родѣ тѣхъ, какими, вѣроятно, пользовались гномы, хранители подземныхъ сокровищъ и первые кузнецы, до мелкой пружинки; отъ грубаго болта до гибкой планшетки для корсетовъ, уродующихъ талии нашихъ дамъ, отъ якорныхъ цѣпей до часовой цѣпочки, за исключеніемъ, однако, цѣпей супружескихъ, которыя, какъ извѣстно, куются на небѣ. Среди всѣхъ этихъ предметовъ мой чичероне указалъ мнѣ на ленты, скромно висящія на стѣнкѣ, однако премированные на выставкахъ Санъ-Франциско и Чикаго, на ленты, подобныхъ которымъ «нѣтъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ». Одна изъ лентъ подобнаго рода тянется частыми зигзагами по всему потолку и спускается двумя концами, свернутыми въ спирали вдоль дверей, давая возможность судить о

своихъ удивительныхъ размѣрахъ. Въ павильонѣ, кромѣ того, имѣется еще настоящее чудо, а именно: лента-пила, надъ которой виситъ краснорѣчивая надпись по-шведски: «самая большая лента-пила на свѣтѣ».

Я осматривалъ всѣ эти замѣчательныя ленты со спокойнымъ любопытствомъ, но мой спутникъ, передавая мнѣ біографическія подробности о каждой изъ нихъ, объясняя мнѣ сложную процедуру обработки ихъ, приходилъ въ восторгъ, впадалъ въ лиризмъ, какъ человекъ, который находится подъ обаяніемъ только что исполненной прекраснымъ оркестромъ девятой симфоніи Бетховена. И я понялъ поэзію труда, который намъ, профанамъ, кажется грубымъ.

Skogsutsatällningen, т. е. лѣсопромышленная выставка, помѣщается въ павильонѣ, примыкающемъ къ великолѣпному парку Скансенъ. Въ немъ представлены образцы всѣхъ породъ растительности скандинавскаго лѣса (скога) отъ мховъ до мачтовыхъ сосновыхъ стволовъ, такъ цѣнимыхъ судостроителями всего міра. Въ павильонѣ этомъ устроена, между прочимъ, панорама, которая представляетъ причудливое нагроможденіе скалъ, покрытыхъ мхами и перерѣзанныхъ водопадомъ. Она даетъ понятіе объ особенностяхъ скога, чаща котораго то-и-дѣло пересѣкается скалистыми выступами. Сама лѣсная глушь представлена здѣсь лишь одиночными образцами деревьевъ, сиротливо висящихъ у потолка, лишенныхъ кроны, но со всѣми развѣтвленіями корней. Обозрѣвая этотъ павильонъ, невольно вспоминается кар-

тина принца Евгенія, фигурирующая на международной художественной выставкѣ. На картинѣ этой очень характерно изображено мѣсторожденіе «гордыхъ» мачтъ. Вы видите необычайно частые ряды удивительно ровныхъ, стройныхъ сосенъ, сквозь которые еле-еле пробивается багровый закатъ.

Вѣроятно, именно подобное близкое сосѣдство деревьевъ могло обусловить явленіе прободенія вѣткой или ствола сосны, — феноменъ, находящійся въ числѣ экспонатовъ въ павильонѣ лѣсной выставки. Она организована такъ, чтобы легко было прослѣдить: образованіе почвы на поверхности скаль, первые проблески растительной жизни на ней, морфологию всѣхъ породъ лѣсныхъ растеній, — словомъ, всю исторію дерева, отъ момента его зарожденія до того, когда, могучее, стройное, оно падаетъ подъ ударами топора и подвергается обработкѣ человѣческихъ рукъ. Павильонъ этотъ, благодаря тому, что онъ не имѣетъ исключительно промышленной фізіономіи, часто посѣщается учениками и ученицами разныхъ школъ.

Однако сравненіе медленнаго процесса произрастанія лѣса съ быстрымъ процесомъ истребленія его, который можно изучить въ этомъ павильонѣ, между прочимъ, и по устройству лѣсопильнаго завода, представленнаго въ миниатюрѣ, — можетъ быть поучительно не для однихъ школьниковъ. Скандинавцы, подобно намъ, очень неосмотрительно обращаются со своими лѣсными богатствами и скоги, къ огорченію не однихъ только поэтовъ,

подверглись «расхищенію». Еслибъ не лѣсоохранительныя законы Швеціи восьмидесятыхъ годовъ, то скоги исчезли бы съ поверхности Скандинавскаго полуострова такъ же скоро, какъ и лѣса, покрывавшіе нѣкогда нашъ югъ. Могло быстро настать время, что эти лѣсныя чащи ласкали бы взоръ жителя Скандинавіи лишь на картинахъ или въ видѣ образцовъ въ коллекціи Сѣвернаго музея улицы Дротанъ, какъ память о прошломъ. Шведы, однако, питаютъ надежду, что скоги не скоро перейдутъ въ область преданій, что они еще долго будутъ доставлять сосну на мачту и осину на спички.

Съ рыбой скандинавцы обращаются болѣе осторожно. Они истребляютъ ее, не сообразуясь исключительно съ мѣрой своихъ силъ и способностей, а руководствуясь мудрыми правилами экономіи. Рыболовство представлено въ двухъ отдѣльныхъ павильонахъ, Fiskerihallen. Павильонъ шведскаго и датскаго отдѣловъ легко замѣтитъ по ярко-красной окраскѣ, этомъ характерномъ цвѣтѣ деревянныхъ стореній въ селахъ и провинціальныхъ городахъ. Въѣзжая въ шведскія шхеры, вниманіе наблюдательнаго туриста привлекается красными строеніями, мелькающими сквозь густую листву живописныхъ острововъ. Замѣтимъ кстати, что на международной художественной выставкѣ можно видѣть картину Кулле, на которой отлично схваченъ эффектъ отраженія красной стѣны строенія въ водѣ при яркомъ, красномъ солнечномъ закатѣ. Незнакомые со шведскимъ сельскимъ пейзажемъ усматриваютъ въ этой картинѣ какой-то сим-

воль, тогда какъ она лишь талантливое изображеніе дѣйствительности.

Павильонъ этотъ, такъ же какъ и павильонъ норвежскаго отдѣла, устроенъ съ той же внимательностью ко всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ, какъ и предыдущіе. Оба эти павильона даютъ полную картину прибыльнаго промысла, питающаго огромную часть населенія Скандинавіи, особенно Норвегіи, у которой, какъ извѣстно, рыба, составляетъ главный предметъ внѣшней торговли. По выставленной здѣсь коллекціи рыболовныхъ лодокъ, снастей и другихъ орудій можно изучить и весь ходъ усовершенствованій способовъ рыболовства, въ конкурирующихъ на сѣверной выставкѣ трехъ странахъ. Дѣло это, по словамъ знатоковъ, поставлено прекрасно, особенно у норвежцевъ, которые достигли большого совершенства также и въ приготовленіи рыбы въ видѣ соленомъ, копченомъ, консервированномъ и замороженномъ.

Выставленные въ рыболовныхъ павильонахъ орудія и приспособленія для борьбы съ невѣрной стихіей моря напоминаютъ о томъ, что рыболовамъ дается повседневное пропитаніе не легко, не безъ риска расплатиться за него своимъ существованіемъ. Несомнѣнно, что удовольствіе ѣсть норвежскую сельдь, очень хорошую, какъ говорятъ, и норвежскую треску-лаборданъ получается нами цѣною многихъ жизней.

Русскому туристу слѣдуетъ заглянуть въ «павильонъ выставки города Стокгольма» *Stokholms stadspaviljong*. По этому павильону можно составить себѣ нѣкоторое

понятіе о культурѣ шведскаго народа. Въ немъ представлена организація столицы, которую поэтъ Тегнеръ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ описывалъ, какъ городъ провинціального типа, затерянный въ густомъ лѣсу. Въ сороковыхъ годахъ въ Стокгольмѣ не было порядочной гостиницы, не говоря о музеяхъ. Національный музей былъ выстроенъ окончательно лишь въ 1866 году. Теперь же городъ этотъ поражаетъ не только красотой своихъ зданій и прелестью мѣстоположенія, но и внутреннимъ благоустройствомъ, своимъ городскимъ хозяйствомъ. По этому павильону можно изучить: канализацію города, устройство городского фильтра, представленнаго въ миниатюрѣ, точно такъ же, какъ и больничныхъ зданій, дезинфекціонныхъ учрежденій, школъ слойда со всѣми ихъ новѣйшими приспособленіями, согласно требованіямъ гигиены и т. п. Тутъ же въ интересныхъ образцахъ представленъ историческій ходъ усовершенствованій способовъ освѣщенія, какъ на улицахъ, такъ и въ домахъ, начиная отъ фонаря, у котораго стекло замѣняетъ кожа бычачьяго пузыря или рядъ стержней гусиныхъ перьевъ, до фантастическаго букета электрическихъ лампочекъ.

Впрочемъ, о заботливости городского управленія объ удобствахъ и здоровьѣ жителей можетъ судить въ первый же день всякій прїѣзжій и не вдаваясь въ серьезныя изслѣдованія. Несомнѣнно, что чистоту, подобную той, которая царствуетъ во всѣхъ закоулкахъ Стокгольма, можно ввести не одними приказами градоначальника

или энергіей городскихъ управителей. Она возможна лишь при любви самихъ обывателей къ опрятности и потребности даже самыхъ бѣдныхъ классовъ населенія къ нѣкоторому комфорту.

Военныя силы Скандинавіи представлены въ павильонѣ *Armen och Flottan*, армія и флотъ, выходящемъ на заливъ. Особенно представляетъ интересъ отдѣлъ флота. Выставленные въ немъ модели всевозможныхъ типовъ боевыхъ судовъ разныхъ эпохъ, развѣшанныя по стѣнамъ картины, изображающія выдающіяся морскія сраженія, фотографическія изображенія разныхъ моментовъ жизни на современномъ боевомъ суднѣ, портреты военно-морскихъ дѣятелей разныхъ временъ, блестящій рядъ которыхъ завершается статуей короля Оскара II, развертываютъ передъ вами длинную, полную удивительныхъ подвиговъ исторію скандинавскаго флота, съ перенесенными поражениями и одержанными побѣдами, вплоть до настоящаго времени, времени мирныхъ завоеваній въ области культуры.

Павильонъ *Turist och Sportutställningen* нельзя миновать хотя бы и потому, что съ терассы его открывается очаровательный видъ на заливъ. Въ павильонѣ этомъ васъ знакомятъ со всевозможными родами спорта, способами передвиженій и въ панорамахъ, моделяхъ и фотографическихъ снимкахъ съ характерными пейзажами Скандинавіи, съ достойными вниманія мѣстностями. Тутъ верховая ѣзда, и катанье на конькахъ, и на лыжахъ, тутъ и модели яхтъ, всякаго рода лодки, велосипеды и т. п. дорогіе сердцу спортсмена предметы. Верховая ѣзда

представлена такъ заманчиво въ видѣ восковой парочки въ натуральную величину на искусственныхъ лошадяхъ, что хотѣлось бы вернуть этому способу передвиженій пальму первенства, которую у него оспариваетъ демократическій велосипедъ. «Стальной конь» положительно вытѣсняетъ благородное искусство верховой ѣзды. Какъ жаль! Во время тихихъ прогулокъ по аллеямъ парковъ начинались длинные и цѣломудренные романы нашихъ бабушекъ, описанія которыхъ до сихъ поръ плѣняютъ насъ своей поэзіей.

Катанье на лыжахъ представлено не менѣе завлекательно въ видѣ интереснаго кавалера, весьма любезно и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительно глядящаго на свою хорошенькую восковую спутницу.

Вотъ и виды Скандинавіи. И водопадъ, струящійся среди скованныхъ льдомъ скалъ, и молчаливое застывшее озеро, и звѣздная ночь далекаго Сѣвера, подъ покровомъ которой мирно покоится въ глубокомъ снѣгу лапландецъ съ караваномъ оленей. Всѣ эти навѣвающіе грусть пейзажи, представленные въ видѣ художественно исполненныхъ панорамъ, невольно манятъ въ эту поэтическую суровую даль.

Такъ же увлекаетъ васъ и старый городъ Висби со всѣми его многовѣковыми развалинами, столь интересными для археологовъ и поэтовъ. Городъ этотъ можно видѣть здѣсь въ миниатюрномъ изображеніи, но его не трудно обозрѣть и въ дѣйствительности. Поѣздка въ Висби стоитъ

очень недорого, всего, кажется, 15 кронъ, т.-е. отъ 7 до 8 рублей.

Описаніемъ Sagogrotan я завершу краткій обзоръ нѣсколькихъ выдающихся павильоновъ выставки, этой живой энциклопедіи, чтеніе которой дается легко и доставляющей даже самому поверхностному обозрѣвателю множество новыхъ полезныхъ свѣдѣній. Въ слѣдующій разъ я коснусь другихъ зданій выставки и самой жизни на ней, представляющей нѣкоторыя интересныя особенности.

Sagogrotan—сказочный гротъ. Гротъ этотъ находится въ дикой скалѣ, въ родѣ тѣхъ голыхъ шхеръ, выкинутыхъ прихотью вулканическихъ силъ на поверхность моря, которыя такъ часто попадаются на пути въ Стокгольмъ, начиная отъ Гельсингфорса. Только скала со сказочнымъ гротомъ, выступающая надъ заливомъ въ предѣлахъ выставки, сооруженіе человѣческихъ рукъ, удачная имитация природы, милая выдумка архитектора-художника.

Сядясь въ лодку, которою управляетъ стоя молодая дѣвушка въ національномъ живописномъ костюмѣ, вы тихо плывете по лабиринту залъ, извилистые и блестящіе своды которыхъ поминутно освѣщаются разноцвѣтными огнями, то ярко вспыхивающими, то мерцающими. Во время моей прогулки внезапно среди тишины раздалось стройное пѣніе. Это пѣли дѣвочки, ученицы какихъ-то городскихъ школъ. Силуэты дѣтей, сопровождавшей ихъ учительницы и молодой дѣвицы, стоявшей у руля—мелькали въ фантастическомъ освѣщеніи грота. Очень серьезные люди, можетъ быть, найдутъ плаваніе по заливу

подъ покровомъ «картонной» скалы—дѣтской забавой. Тѣмъ не менѣе совѣтую туристамъ за 25 öre (12¹/₂ коп.) проѣхать по гроту, позолоченному фольгой, ибо отсюда легко унести на крыльяхъ фантазіи въ настоящее сказочное царство, оживленное присутвіемъ героевъ поэтическихъ древнихъ сагъ.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Любитель чрезвычайнаго не найдетъ на Сѣверной выставкѣ предметовъ, которымъ бы онъ уже не удивлялся на выставкахъ въ Парижѣ, Чикаго, Берлинѣ. Не думаю, чтобы кого нибудь могъ удовлетворять въ этомъ отношеніи имѣющійся здѣсь павильонъ въ формѣ гигантской стеариновой свѣчи, являющійся лишь диссонансомъ въ гармоническомъ сочетаніи выставочныхъ зданій, не идущій и къ ландшафту, окружающему выставочный участокъ. Отсюда не слѣдуетъ думать, что шведы хотѣли удивить міръ этой имитацией стеариновой свѣчки, которая въ виду яркаго солнца, льющаго свой свѣтъ съ высоты яснаго неба, кажется жалкой и ненужной. Great attraction въ морѣ выставочныхъ предметовъ это — связующая ихъ идея, которая выступаетъ передъ вами даже при бѣгломъ обзорѣ павильоновъ. Вы сразу видите, что руководящей мыслью организаторовъ выставки была представить картину Скандинавіи, не только въ ширь, но и

въ глубь; показать не только современное ея состояніе, но и дать возможность проникнуть въ нѣдра вѣковъ, гдѣ зародилась нынѣшняя цивилизація страны, прослѣдить всѣ напластованія культуры соединенныхъ государствъ. Выполненіемъ именно этой культурно-исторической идеи, главнымъ образомъ, и блещитъ выставка въ Стокгольмѣ, этимъ именно она представляетъ интересъ, даже для людей, побывавшихъ на всемірныхъ торжищахъ первоклассныхъ государствъ.

Въ этомъ смыслѣ павильонъ Gruftutställningen производитъ особенное впечатлѣніе. Вы видите здѣсь всѣ стадіи развитія горнаго дѣла съ того момента, когда человѣкъ отправлялся на этотъ трудный и опасный промыселъ, вооруженный лишь какимъ-нибудь незатѣйливымъ молотомъ и могучей отвагой, до настоящаго времени, когда къ услугамъ его является цѣлый арсеналъ инструментовъ, созданныхъ усиліями многихъ поколѣній. Въ павильонѣ этомъ возможно получить понятіе не только о разныхъ способахъ сложной процедуры добычи ископаемыхъ богатствъ, но и видѣть геологическое строеніе почвы Скандинавскаго полуострова. Опустившись въ шахту, вы знакомитесь нѣкоторымъ образомъ съ условіями, при которыхъ въ наше время сотни тысячъ людей трудятся для своего пропитанія.

Если вы, обозрѣвая павильонъ этотъ, не сразу постигнете всѣ тайны горнаго дѣла, то, совершивъ прогулку по шахтѣ, вы научитесь, между прочимъ, цѣнить ваше благосостояніе, какъ бы оно вамъ ни казалось незначи-

тельнымъ. Я говорю: «между прочимъ», ибо исключительно ради этого урока нѣтъ надобности переплывать море.

Въ дополненіе къ Gruftutställningen, является Stora Kopparbergs paviljong, павильонъ общества, которое съ 1288 года эксплуатируетъ нѣкогда богатѣйшіе мѣдные рудники Далекарліи въ Фалуяѣ. Шведы съ благоговѣніемъ осматриваютъ выставленный въ этомъ павильонѣ мѣдный листъ съ надписью названія фирмы и года ея основанія, — листъ, надъ которымъ протекло шесть столѣтій. Нынѣшній представитель этого старѣйшаго въ Швеціи общества, занимающагося также и обработкой лѣса, указываетъ не безъ гордости и на пилу, которая будто бы съ XVI вѣка до послѣдняго времени исправно распиливала гигантскіе сосновые стволы на доски. Въ павильонѣ этомъ шведы неизмѣнно вспоминаютъ своего великаго короля Густава Вазу, который, какъ гласятъ исторія и легенда, нѣкогда скрывался у далекарлійскихъ крестьянъ, трудясь въ качествѣ горнорабочаго въ фалунскихъ рудникахъ, въ то время уже два столѣтія бывшихъ собственностью общества Stora Kopparberg.

По той же руководящей историко культурной идеѣ организованъ павильонъ театрално-музыкальной выставки, въ которомъ собрано все, что только возможно было собрать по этой части.

Извѣстно, что шведы ни въ области театра, ни въ области музыки не проявили себя образцами, которые могли бы стать въ ряду съ произведеніями другихъ

странъ, несмотря на то, что исторія ихъ полна событіями потрясающаго драматизма, что саги ихъ являются неисчерпаемымъ источникомъ драматическихъ сюжетовъ, а сама природа напѣваетъ имъ мелодіи величественной красоты. Шведы, однако, очень любятъ драматическое искусство и обожаютъ музыку. Чувства эти какъ нельзя болѣе проявились въ выставкѣ этого павильона, которая организована съ почти религіозной преданностью къ дѣлу,

Здѣсь собраны богатая коллекція театральныхъ костюмовъ, оружій, масокъ, всевозможныхъ бутафорскихъ вещей, имѣющихъ какое-нибудь историческое значеніе, афишъ, портретовъ театральныхъ дѣятелей, серебряныхъ вѣнковъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ расположенія публики къ своимъ талантамъ, музыкальных инструментовъ, партитуръ и т. п. Надъ всѣми этими предметами царитъ духъ Густава III, этого просвѣщеннаго государя, которому шведская литература во многомъ обязана своимъ процвѣтаніемъ.

Замѣчательно, что ни въ одной странѣ не было столько коронованныхъ особъ съ литературными талантами, какъ въ Швеціи. Густавъ Ваза, Эрикъ XIV и Карлъ IX были поэтами. Первый изъ нихъ, кромѣ того, обладалъ неотразимымъ краснорѣчіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ одержалъ больше побѣдъ своимъ словомъ, нежели мечемъ. Густавъ-Адольфъ тоже блисталъ истиннымъ ораторскимъ талантомъ и поэтическимъ даромъ. Ему приписываютъ нѣкоторыя очень популярныя въ Германіи духовныя пѣсни. Пьесы Густава III даются въ Швеціи

до сихъ поръ, а нынѣшній король всѣхъ плѣняетъ своей рѣчью и извѣстенъ не только какъ прекрасный ораторъ, но и какъ поэтъ.

Въ павильонѣ Teater-och-Musik-Utställningen вы на каждомъ шагу видите воспоминанія о коронованномъ патронѣ шведской драмы и музыки. Въ глубинѣ зала — подмости, на которыхъ воспроизведена сцена театра время Густава III.

На ней представленъ одинъ изъ эффектныхъ моментовъ пьесы этого короля, при чемъ лица восковыхъ фигуръ, костюмы, сценарій, все воспроизведено по оставшимся съ того времени гравюрамъ. На другихъ подмосткахъ, представляющихъ рабочій кабинетъ Густава III въ зданіи оперы, вы видите фигуру короля, передающаго бумагу стоящему передъ нимъ секретарю. Очевидно, здѣсь изображенъ какой-нибудь выдающійся моментъ изъ исторіи шведской драмы и оперы. Въ одной изъ витринъ красуются: афиша перваго представленія, на которомъ присутствовалъ король, и суфлерскій экземпляръ пьесы съ помѣтками Густава III. А вотъ и портретъ этого короля-писателя, единственная вина котораго передъ роднымъ ему искусствомъ состояла въ слишкомъ фанатическомъ поклоненіи передъ французской литературой, вина, которую, впрочемъ, раздѣляли съ нимъ въ свое время многіе представители литературъ всѣхъ народовъ.

Вотъ и другъ Густава III — поэтъ Бельманъ, этотъ своеправный геній, сумѣвшій въ самомъ разгарѣ владычества такъ называемаго французскаго псевдо-класси-

цизма быть свободнымъ, простымъ и національнымъ. Тутъ портреты: и Дженни Линдъ, и Гёквистъ, и Альм-лөфъ, и Нильсонъ и многихъ другихъ. Подъ портретомъ послѣдней красуется скрипка, на которой эта знаменитая пѣвица, еще будучи дѣвочкой, странствуя по улицамъ и площадямъ города, аккомпанировала своимъ пѣснямъ. Среди чужестранныхъ для нихъ талантовъ и геніевъ, изъ черной рамы вдругъ мелькнуло и знакомое лицо Антона Рубинштейна. Тутъ же я замѣтилъ и большой фотографическій портретъ Элеоноры Дузе и карточку Сарры Бернаръ, въ бархатной самодѣльной рамкѣ, съ трогательно приколотымъ къ ней бантомъ.

Въ одной изъ залъ этого павильона предполагается, при участіи студентовъ Упсальскаго университета и оперныхъ артистовъ, рядъ историческихъ, драматическихъ и оперныхъ представленій, которыя явятся живой иллюстраціей къ театрано-музыкальной выставкѣ.

Gamla Stockholm, Старый Стокгольмъ, вѣнчаетъ собою рядъ описанныхъ мною павильоновъ и является лучшимъ украшеніемъ выставки. Этотъ художественный уголокъ, называемый Старымъ Стокгольмомъ, представляетъ собою ту ячейку, отъ которой развилась нынѣшняя столица Швеціи, удивляющая своей красотой и благоустройствомъ. Передъ нами Стокгольмъ, какимъ онъ былъ въ XV столѣтіи. Войдя въ ворота города, гдѣ васъ встрѣчаетъ въ средне-вѣковомъ вооруженіи стражъ, вы едва вѣрите, что всѣ эти дома, церкви, улицы, дворцы, мосты, соединяющіе отдѣльныя части города, что все это ни что

иное, какъ выставочный эффектъ, такъ называемый *clous*, не дѣйствительность, а художественное воспроизведеніе ея. Подобнаго рода воспроизведенія старины бывали уже на выставкахъ Парижа, Берлина, Буда-Пешта. Тѣмъ не менѣе шведы поступили хорошо, что не побоялись повтореній и показали намъ свою столицу въ одномъ изъ характернѣйшихъ моментовъ ея исторіи, когда воцарился Густавъ Ваза, сдѣлавшій Швецію свободною и протестанскою, и положившій начало ея просвѣщенію. Вотъ узкія улицы, въ которыя нѣкогда побѣдоносно вступалъ этотъ король. Вотъ замокъ, гдѣ онъ жилъ и умеръ, «простивъ своимъ врагамъ и испросивъ прощеніе у обиженныхъ имъ». Все здѣсь воспроизведено исторически вѣрно до мельчайшихъ подробностей. Вы видите здѣсь и *Storkyrkan*, эту старую церковь Стокгольма, построенную основателемъ города Биргеромъ Ярломъ. Въ ту эпоху, которую организаторы выставки оживили передъ нами, въ церкви этой раздавались проповѣди братьевъ Петри, насадителей новаго религіознаго ученія въ Швеціи. Тутъ и *Сторторгъ*, площадь, на которой ранѣе происходила знаменитая рѣзня, учиненная Христіаномъ II во имя вѣры. И *Сторчёрканъ*, и *Сторторгъ* каждый туристъ можетъ обозрѣть нынѣ и въ новомъ городѣ Стокгольмѣ. Привратникъ церкви за полъ кроны сообщитъ вамъ ея древнюю исторію, покажетъ всѣ ея достопримѣчательности и, въ заключеніе, уже у дверей, махнувъ рукою въ сторону *Сторторга*, расскажетъ и объ упомянутой рѣзнѣ, извѣстной подъ именемъ «кровавыхъ бань». И здѣсь, и

въ этомъ «старомъ» Стокгольмѣ каждый шведъ не преминетъ рассказать вамъ объ этомъ смутномъ времени, за которымъ настало царство «мудраго и благочестиваго короля Густава Вазы». И замокъ, и дома гражданъ, вся обстановка ихъ, внутреннее убранство, и мастерскія, въ которыхъ производятся старинныя издѣлія, и всѣ городскія учрежденія, представляющія собою лишь намекъ на то, что мы видимъ въ современномъ городѣ Стокгольмѣ, все носитъ на себѣ печать той эпохи. Мое вниманіе особенно привлекла почему-то аптека, съ традиціоннымъ черепомъ надъ шкафчикомъ съ ядами. Я долго рассматривалъ мѣсто, гдѣ люди того вѣка искали исцѣленія, и мнѣ казалось, что вотъ-вотъ выйдетъ ко мнѣ самъ аптекарь, въ которомъ въ старину горожане находили не только продавца лекарственныхъ снадобій, но и совѣтника въ своихъ домашнихъ затрудненіяхъ. Въ гавани вы можете видѣть оснащенное судно. Въ сравненіи съ нашими гигантскими суднами оно кажется орѣховой скорлупой. Однако на подобныхъ скорлупахъ предки нынѣшнихъ шведовъ переплывали океанъ, одерживали побѣды и, конечно, также погибали, хотя и не при такихъ сложныхъ и непонятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершаются нынѣшнія морскія катастрофы.

На суднѣ этомъ нѣтъ ни души, точно такъ же какъ и въ замкѣ, больницѣ, квартирахъ горожанъ. Но въ нижнихъ этажахъ домовъ копошатся люди, обязанные имитировать тѣхъ, которые уже пять столѣтій покоятся въ могилахъ. Тутъ серебряныхъ дѣлъ мастеръ въ средне-

вѣковомъ платьѣ работаетъ надъ какой-то брошкой въ старинномъ стилѣ, которую вы можете у него купить. Тамъ горшечникъ въ такомъ же одѣяніи дѣлаетъ горшки, миски, ковши, какіе употреблялись въ тѣ отдаленныя времена. На примитивной сценѣ разыгрываютъ старинную пантомиму, а въ винномъ погребкѣ, который вы можете найти по висящей надъ его входомъ виноградной лозѣ, вмѣсто вывѣски—фрекенъ въ испанскомъ костюмѣ продаетъ, вѣроятно, испанское вино. Получивъ небольшую плату за выпитое вами вино, фрекенъ въ испанскомъ нарядѣ съ улыбкой и книксеномъ подаритъ вамъ вѣеръ на память о вашемъ посѣщеніи «Стараго Стокгольма». Не знаю, насколько испанскій колоритъ является характернымъ для данной эпохи. Правда, Густавъ Ваза выписывалъ изъ Европы разныхъ мастеровъ, особенно итальянскихъ инженеровъ. Можетъ статься, что среди нихъ были и хорошенькія испанки!

Въ одной изъ мастерскихъ французъ-скульпторъ, воспроизводящій въ полчаса за нѣсколько кронъ черты всякаго желающаго увѣковѣчить себя въ глинѣ, можетъ быть, тоже не является анахронизмомъ. Въ виду торговыхъ договоровъ, заключенныхъ между Густавомъ Вазой и Францискомъ I, какой-нибудь французъ-чудодѣй подобнаго сорта могъ легко быть занесенъ на суровый берегъ Скандинавіи. Но кинематографъ, — это изобрѣтеніе нашего fin de siècle! По всей вѣроятности, онъ фигурируетъ здѣсь не иначе, какъ въ качествѣ образчика средне-вѣковыхъ діавольскихъ навожденій и колдовства.

Какъ бы то ни было, а Gamla Stokkholm — чудный уголокъ выставки. Въ стѣнахъ этого импровизированнаго города снова встаетъ передъ вами скрывшійся въ Лету міръ, который, какъ всякая даль, кажется намъ облеченнымъ необъяснимой поэзіей. Для шведовъ онъ имѣетъ еще особенную притягательную силу, какъ напоминаніе о родномъ, близкомъ, дорогомъ, ибо шведы, можетъ быть, единственный народъ въ мірѣ, который въ своемъ быстромъ и безостановочномъ движеніи впередъ ощущаетъ необходимость оглядываться назадъ, не считая возможнымъ оставлять въ пренебреженіи тѣ невидимыя, но крѣпкія нити, которыя связываютъ все человѣчество со стариной, только лишь кажущейся намъ безслѣдно исчезнувшей.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Идеаль всякаго посѣтителя выставокъ,—это, при минимальной тратѣ времени и денегъ, все видѣть, все изучить. Чтобы достигнуть этихъ двухъ трудно совмѣстимыхъ цѣлей, туристы безъ устали несутся цѣлыми часами по павильонамъ, чтобы поспѣть въ свой отель къ обѣду, обыкновенно болѣе дешевому, чѣмъ въ выставочныхъ ресторанахъ. Здѣсь же на выставкѣ въ Стокгольмѣ цѣны на все не выше городскихъ. Здѣсь, такъ же, какъ и въ городѣ, есть буфеты на всѣ вкусы и кошельки. Экономному путешественнику, поэтому, нѣтъ надобности превратиться на время въ какую-то лошадь, несущую непосильное бремя, сдѣлать изъ *partie de plaisir* каторгу. Онъ можетъ спокойно чередовать свой трудъ обозрѣвателя съ отдыхомъ, не тратя при этомъ лишнихъ кронъ и сберегая время. Для корреспонденціи, для краткаго отдохновенія, для чтенія газетъ — тоже не приходится тратить времени на возвращеніе въ свою гостиницу.

При посредствѣ павильона почтъ-телеграфа и телефона вы можете сообщить родственникамъ о вашемъ здоровьи и благополучіи, обмѣняться дѣловой телеграммой и т. п. Въ павильонѣ печати, Pressens paviljong, къ вашимъ услугамъ всевозможные журналы и газеты. Специально для дамъ существуетъ Dammen paviljong, бѣлый, круглый павильонъ, обвитый, какъ это подобаетъ дамскому убѣжищу, гирляндами гипсовыхъ розъ. Въ этомъ изящномъ шалѣ можно отдохнуть, вымыться, причесаться, написать письмо. Въ заведеніи для ваннъ за небольшую плату вы освѣжитесь, взявъ теплую морскую ванну.

Туристъ можетъ смѣло подкрѣпить свои силы ѣдой, не чувствуя себя въ качествѣ жертвы, съ которой собираются содрать шкуру. Насколько велика должна быть его увѣренность въ этомъ отношеніи, можно судить по тому, что въ главномъ выставочномъ ресторанѣ Nufvud-restoranten, съ прелестнымъ видомъ на заливъ и на Старый Стокгольмъ, съ гремящимъ передъ нимъ ежедневно оркестромъ, обѣдъ изъ пяти блюдъ и цѣлымъ арсеналомъ закусокъ стоитъ три или три съ половиною кроны. Столь же божескія цѣны и на всѣ напитки. Вы можете потребовать себѣ къ обѣду вино, безъ опасенія, что вы изведете на это удовольствіе дневное пропитаніе вашей семьи. Чтобы понять, каково милосердіе стокгольмскаго ресторатора, довольно знать, что онъ не только не получаетъ никакой субсидіи, но еще вноситъ за свое право торговли большую сумму и, кромѣ того, плату за входные билеты на выставку для всѣхъ своихъ служащихъ.

Въ Centralrestoranten, передъ которымъ тоже играетъ музыка, цѣны еще ниже. Но вы можете пообѣдать и за 40 оре (20 коп.) въ народной столовой, Фолькчекетъ. Это будетъ не тотъ обѣдъ, о которомъ мечталъ Лукуллъ, но свѣжій и обильный. Дамы лучшаго стокгольмскаго общества въ бѣлыхъ передникахъ по очереди дежурятъ здѣсь, наблюдая за свѣжестью провизіи, надъ приготовленіемъ ея и, вообще, за порядкомъ заведенія, нерѣдко раздѣляя съ посѣтителями трапезу. Забота о людяхъ бѣднѣйшихъ приводитъ сюда отъ времени до времени и наслѣднаго принца и короля. Всякій гость въ этомъ заведеніи прислуживаетъ себѣ самъ, т. е. онъ подходитъ съ тарелкой къ столу, накладываетъ себѣ изъ общаго блюда порцію. Тѣмъ не менѣе, несмотря на множество народа, все обходится безъ толкотни и сумятицы.

Замѣчу кстати, что въ Стокгольмѣ получить толчекъ даже въ большой толпѣ довольно мудрено, развѣ по заказу. Задѣвать встрѣчныхъ локтями, вообще—толкаться здѣсь не входитъ въ списокъ упражненій, составляющихъ предметы спорта.

Кромѣ названныхъ очаговъ, на каждомъ шагу встрѣчаются павильоны съ правомъ продажи тѣхъ или иныхъ съѣстныхъ продуктовъ и напитковъ. Въ одномъ вы получаете исключительно пиво, въ другомъ пиво и ветчину, сосиски, вообще колбасныя издѣлія, въ третьемъ чай и характерные сморгосы (бутерброды), чрезвычайно разнообразные, могущіе съ избыткомъ замѣнить вамъ

завтракъ. Все это очень дешево. Порція чая, напрімѣръ, съ этими бутербродами стоитъ всего копѣекъ тридцать.

Въ *Servirungs paviljong* вамъ подадутъ за 15 копѣекъ на наши деньги чашку отличнаго кофе съ хлѣбомъ и въ добавокъ еще преподнесутъ на память и чашку съ блюдечкомъ, на которыхъ красуется видъ павильона. Та же система сувенировъ практикуется и въ нѣкоторыхъ другихъ павильонахъ. Въ заведеніяхъ этого рода давать на чай не обязательно.

Вы можете зайти въ любой ресторанъ, сѣсть за любой столикъ безъ опасенія встрѣтиться съ арміей жадныхъ лакеевъ, которые съ силою рентгеновыхъ лучей пронизываютъ васъ насквозь своими взорами, немедленно дѣлая оцѣнку вашему кошельку, вашей склонности къ расточительности, тщеславію, вашему общественному положенію, вашей дамѣ, съ которой вы явились и т. п. интереснымъ подробностямъ, касающимся вашей личности. Здѣшніе слуги воспитаны въ общемъ всему народу духъ умѣренности и хорошо дисциплинированы. Къ тому же ихъ сравнительно съ публикой слишкомъ мало, чтобы имѣть время пожирать васъ глазами, пока вы глотаете вашъ обѣдъ или ужинъ. Мужчины служатъ только въ главномъ ресторанѣ, въ остальныхъ павильонахъ прислуживаютъ женщины, вообще менѣе требовательныя и деликатныя, чѣмъ мужской полъ.

Въ каждомъ заведеніи имѣется для прислужницъ своя обязательная форма, состоящая то изъ скандинавскихъ костюмовъ, то изъ характерныхъ нарядовъ другихъ странъ.

Всѣ эти нарядныя далекарлійки въ остроконечныхъ шапочкахъ, дѣвушки изъ Скони, изъ Іемтлянда и другихъ провинцій, всѣ эти бѣлокурыя съ синими глазами гречанки, турчанки, испанки, одинаково проворно, граціозно и любезно прислуживаютъ вамъ и, получивъ на чай 20—25 оре, привѣтливо улыбаются и со словомъ «taskar», благодарю, дѣлаютъ вамъ книксенъ. За подобную монету у насъ лакей въ самомъ захолустномъ ресторанѣ вмѣсто благодарности подаритъ васъ выразительнымъ взмахомъ салфетки съ правой руки по направленію лѣвой или примется тутъ же, при васъ, съ большой энергіей сметать ею съ вашего стола крошки.

Если вы дадите какой-нибудь изъ этихъ «фрекенъ» болѣе крупную монету, то вы этимъ вызовете на ея лицѣ краску смущенія и радости, но не ждите, чтобы она оказала вамъ преимущество передъ другими посѣтителями. Вамъ не зачѣмъ держать себя здѣсь съ видомъ, внушающимъ страхъ и почтеніе, обнаруживающимъ вашу способность по мѣрѣ надобности или сдѣлать «исторію», или наградить. Всѣ эти приемы, примѣняемые въ обращеніи съ ресторанными «человѣками» нашихъ загородныхъ садовъ, здѣсь не нужны. Вы можете вести себя самымъ смиреннымъ образомъ, не разыгрывая ни графа, ни князя, ни милліонера, ни скандалиста и, несмотря на большое стеченіе публики, вы не будете забыты. Напротивъ, любезность произведетъ эффектъ скорѣе, нежели выразительная монета, разумѣется любезность почтительная, ибо большинство этихъ стройныхъ и мило-

видныхъ служанокъ—дѣвушки честныя, во всякомъ случаѣ дѣвушки, обязанныя въ силу требованій общественныхъ традицій, соблюдать приличіе, вести себя такъ, чтобы отнюдь не оскорблять чувства благопристойности, являющагося характеристической чертой скандинавскихъ народовъ. Слишкомъ открытая развязность считается здѣсь невѣжествомъ, ибо безстыдство, по понятію этихъ тонко философствующихъ сѣверянъ, есть слѣдствіе отсутствія въ человѣкѣ не только чувствъ чести и порядочности, но и самихъ понятій о нихъ. Вотъ почему просвѣщенные шведы, питающіе ко всякому невѣжеству отвращеніе, осуждаютъ безстыдство еще больше, нежели порокъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется, что на выставкѣ ни въ какое время дня и вечера нельзя встрѣтить женщинъ, внѣшній видъ которыхъ слишкомъ явно указывалъ бы на легкомысленное ихъ отношеніе къ добродѣтели. Мы можемъ довести до свѣдѣнія нашихъ дачницъ, что въ Стокгольмѣ, вообще въ Скандинавіи, какъ въ обществѣ, такъ и на гуляньяхъ этого рода дамы не доминируютъ. Здѣсь наша скромная женщина можетъ вполне найти отдыхъ отъ затмѣвающаго ее блеска нарядовъ слишкомъ веселыхъ дамъ, отъ яркихъ розъ, играющихъ на ихъ шляпкахъ и щекахъ. Здѣсь она не чувствуетъ себя столь затерянной и затертой, какъ на гуляньяхъ въ Павловскѣ или въ другихъ нашихъ загородныхъ садахъ. Тутъ она вполне можетъ рассчитывать «на честь и мѣсто» какъ отъ кавалера, такъ и отъ слуги. Великодушныя скандинавскіе кавалеры оказываютъ вниманіе и явной

добродѣтели, не умираютъ въ ея присутвіи отъ тоски и не бѣгутъ отъ нея, какъ отъ чумы, а прислуга не отведетъ ей въ ряду столиковъ самаго неудобнаго, поближе къ глухой стѣнѣ, сохраняя лучшія мѣста, въ расчетѣ на подачку, для болѣе щедрой компаніи, чѣмъ та, въ которой обыкновенно являются занисныя скромницы.

Для полной характеристики ресторанныхъ нравовъ и обычаевъ я замѣчу, что публика здѣсь также хорошо дисциплинирована, какъ прислуживающій ей народъ. Никто не позволитъ себѣ, сядя за столикъ, прирости къ стулу, не обращая вниманія на терпѣливо ожидающихъ мѣста. Никто не позволитъ себѣ возвысить голоса, задать тонъ, обратиться къ женской прислугѣ иначе, какъ назвавъ ее «фрекенъ», барышня, даже въ состояніи опьяненія. Кстати сказать, состояніе это здѣсь вовсе не считается въ обществѣ смягчающимъ вину обстоятельствомъ, но усугубляющимъ. Видѣть на выставкѣ чело-вѣка, идущаго не прямо, а зигзагами, совершенно невозможно. Подобные субъекты встрѣчаются даже въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ города, даже въ праздникъ, лишь какъ рѣдкость. А между тѣмъ всѣ кричатъ о пристрастіи шведовъ къ пуншу, противъ котораго, какъ мнѣ сообщили, за послѣднее время приняты ограничительныя мѣры. Такъ, на примѣръ, въ нѣкоторыхъ кафе-шантанахъ совершенно запрещена продажа крѣпкихъ напитковъ. Какъ бы то ни было, но народъ этотъ умѣетъ и подъ вліяніемъ паровъ своего пунша сохранять приличіе и въ поступкахъ, и въ рѣчахъ. Что же касается

до того, чтобы принять всякую одинокую даму за особу, съ которой можно завести легкой и непродолжительный романъ, то на это въ Стокгольмѣ окажется способнымъ развѣ только сумасшедшій.

Въ разные часы дня на выставкѣ бываетъ иная публика, одинаково приличная и благовоспитанная. По утрамъ вы встрѣтите группы школьниковъ и школьницъ въ сопровожденіи учителей, солдатъ съ офицеромъ въ качествѣ чичероне, мастеровъ, рабочихъ, имѣющихъ право входа по удешевленнымъ цѣнамъ и т. п.

Туристы иностранцы, такъ же какъ и провинціалы, пріѣзжающіе теперь въ Стокгольмъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, чтобы поглядѣть на чудеса своей столицы и выставки, являются сюда послѣ своего завтрака и послѣ осмотровъ городскихъ музеевъ и церквей. У нихъ серьезный, сосредоточенный видъ, какъ у людей, желающихъ за принесенныя денежныя жертвы на болѣе или менѣе далекую поѣздку извлечь какъ можно больше пользы, набраться какъ можно больше знаній и впечатлѣній, чтобы подѣлиться ими съ оставленными дома родными и знакомыми.

Стокгольмцы средняго круга и высшаго общества успѣли наглядѣться на свою выставку въ началѣ ея открытія. Большинство знало ее наизусть еще и раньше по газетнымъ свѣдѣніямъ и слухамъ. Поэтому они приходятъ на выставку большею частью послѣ окончанія дневныхъ трудовъ вмѣстѣ со своими семьями пофланировать, пообѣдать, поужинать, подышать свѣжимъ воз-

духомъ среди пестрой толпы. Только въ обѣденные часы и по вечерамъ можно видѣть публику стокгольмскую по преимуществу, — публику корректную безъ чопорности, веселую безъ шумливости и любезную безъ приторности.

Корректность стокгольмцевъ проявляется не только въ ихъ манерахъ и въ рѣчахъ, но и въ нарядахъ дамъ, которыя одѣваются очень изящно и очень просто. Вы не увидите здѣсь ни этихъ умопомрачительныхъ шляпъ, съ цѣлыми клумбами яркихъ цвѣтовъ, съ гнѣздами птицъ, съ цѣлымъ ворохомъ кружевъ и лентъ, этихъ пелеринъ, похожихъ на растопыренныя крылья большой хищной птицы, съ неимовѣрной вышины воротниками. Вы не увидите также этихъ ходячихъ витринъ брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ настоящихъ или поддѣльныхъ камней, какія вы встрѣчаете на нашихъ улицахъ и въ нашихъ садахъ.

Слишкомъ бросающаяся въ глаза роскошь наряда здѣсь также немислима, какъ и лохмотья бѣдности, которыя вамъ не попадутся даже и въ отдаленныхъ кварталахъ города. Шведы считаютъ непристойнымъ выносить на улицу, какъ свое богатство, такъ и бѣдноту.

Любезность стокгольмцевъ замѣняетъ иностранцамъ путеводителя на удобопонятномъ для нихъ языкѣ. Каждый туземецъ считаетъ своимъ долгомъ вывести заблудившагося среди павильоновъ иностранца на прямой путь; чтобы найти, на примѣръ, дорогу къ выходу, вамъ стоитъ только обратиться къ первому встрѣчному со словомъ

«Uttgang», что и значить выходъ, и васъ съ поклономъ къ нему приведутъ.

Въ развлеченіяхъ, какія организаторы выставки предлагаютъ своимъ посѣтителямъ, царитъ тотъ же духъ приличія. Въ оградѣ выставки вы напрасно будете искать дѣвицъ, которыя съ высоты подмостковъ показываютъ, до чего можетъ дойти декольте женщины. Ни *diseur*, ни *diseuses*, отъ пѣсней которыхъ могло бы покраснѣть синее сукно полицейскаго — ничего такого, чѣмъ насъ плѣняютъ въ нашихъ загородныхъ садахъ, единственныхъ убѣжищахъ отъ лѣтнихъ жаровъ для неимѣющихъ средствъ покинуть столицу и чѣмъ восхищали публику на выставкахъ другихъ городовъ. Выставочный комитетъ не отпустилъ ни одной пяди земли для того рода сценическихъ представленій, для которыхъ со стороны исполнителей главнымъ образомъ требуется рѣшительность. Въ самомъ городѣ имѣются всякія «Фоли-Бержеры». Они даже одно время до того здѣсь расплодились, что этимъ вызвали негодованіе ригсдага, рѣшеніемъ котораго число ихъ теперь значительно ограничено. На выставкахъ же вамъ предлагаются лишь развлеченія образовательнаго характера или болѣе или менѣе невиннаго свойства. Къ вашимъ услугамъ историко-культурныя драматическія представленія упсальскихъ студентовъ, такого же рода оперныя представленія, симфоническіе концерты, вокальныя *soirées* и *matinées*, съ участіемъ многочисленныхъ въ Стокгольмѣ обществъ хорового пѣнія. На *matinées* съ участіемъ самаго лучшаго хорового обще-

ства имени любимѣйшаго шведами поэта Белльмана вы можете слышать столь популярныя пѣсни этого свободного генія временъ Густава III, бывшаго нѣкогда исполнителемъ ихъ. И слова, и музыка, какъ говоритъ исторія, нерѣдко выливались изъ его груди въ счастливой импровизаціи.

Вы можете еще пріятно провести вечеръ, просто гуляя по большой аллеѣ Дьургордена, слушая бесплатно музыку двухъ выставочныхъ оркестровъ, распивая чай или пиво, а то и шведскій пуншъ за столикомъ передъ какимъ-нибудь изъ ресторановъ, наблюдая двигающуюся мимо васъ толпу. Для разнообразія вы можете ужинать на Гассельбакенѣ, роскошномъ ресторанѣ, прилегающемъ къ выставкѣ. Знаменитый ресторанъ этотъ, отмѣченный во всѣхъ путеводителяхъ, расположенъ на живописной возвышенности дьургорденскаго парка. Съ верхней террасы ресторана передъ вами разстилается прекрасный видъ на Стокгольмъ, а на самой площадкѣ, гдѣ играетъ оркестръ, вы можете видѣть памятникъ Белльману, на которомъ онъ представленъ сидящимъ съ мандолиной въ рукѣ. Памятникъ помѣщенъ, какъ говорятъ, подъ той самой сосной, которую онъ нѣкогда воспѣлъ. Вамъ предоставляется любоваться пейзажемъ, слушать музыку, при этомъ закусывать, бесѣдовать, однимъ словомъ «веселиться» такъ, какъ лѣтомъ развлекается и веселится большинство здѣшнихъ шведовъ съ своими семьями. Впрочемъ, отъ Гассельбакена одинъ шагъ до

оперетки, гдѣ разыгрывается «Sköna Hellen» (Прекрасная Елена).

Кромѣ упомянутыхъ развлеченій, посѣтитель выставки имѣетъ по временамъ случай увеселять себя на традиціонныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ на Скансенѣ.

Всѣ эти развлеченія, въ томъ числѣ и празднества на Скансенѣ, можетъ быть, покажутся недостаточными и подчасъ наивными. Но вся стокгольмская выставка, не исключая и ея развлеченій, рассчитана не на тѣхъ людей, которые съ младенчества уже успѣли пресытиться всѣмъ и притупленные нервы которыхъ могутъ еще встряхнуться зрѣлищемъ какого-нибудь необычайнаго пожара или видомъ необыкновеннаго проявленія безстыдства, которое часто награждается въ наше время корзинами нѣжныхъ ландышей и лилій.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Нѣтъ страны болѣе или менѣе озабоченной вопросомъ народнаго просвѣщенія, которая не послала бы делегатовъ для обзора школьнаго отдѣла сѣверной выставки, потому что конкурирующіе въ ней народы во многихъ отношеніяхъ могутъ служить въ этомъ дѣлѣ примѣромъ для большихъ государствъ. Особенно это справедливо относительно Швеціи и Даніи, которыя съ давнихъ поръ опередили своимъ стремленіемъ къ образованію многія европейскія страны. Извѣстно, что въ то время, когда въ большей части Европы искусство владѣть мечемъ, умѣнье пить и любить считались главными признаками благороднаго происхожденія, король Швеціи Іоаннъ III декретомъ 1574 года опредѣлилъ: всякаго дворянина, не умѣющаго читать, лишить дворянскаго достоинства, а Карль IX нѣсколько позднѣе запретилъ священникамъ давать первое причастіе безграмотнымъ дѣтямъ. Подобнаго рода повелѣнія издавались и датскими королями. Въ скандинавскихъ странахъ до сихъ поръ еще въ силѣ

законъ, по которому человекъ, лишенный нѣкотораго свѣта знанія, считается недостойнымъ нести узы Гименея, стать главой семьи. Законъ этотъ изданъ Карломъ XI въ то время, когда умѣнье поставить вмѣсто своей фамиліи крестъ казалось у насъ достаточнымъ не только для крестьянина, но и для купца. Неудивительно, что страны, въ которыхъ уже два столѣтія ни одинъ человекъ не покинулъ этого міра безграмотнымъ, должны возбуждать особенное вниманіе педагоговъ, которые методично и тщательно осматриваютъ школьный отдѣлъ выставки, помѣщающійся въ зданіи Сѣвернаго музея. Умѣющій разобратся въ подобнаго рода выставкахъ, въ числѣ экспонатовъ которыхъ находятся, между прочимъ, отчеты, программы, брошюры и т. п., изумляется неустанной заботливости скандинавскихъ народовъ о своемъ культурномъ развитіи, ради котораго они съ легкостью переносятъ траты, кажушіяся почти невозможными для такихъ небольшихъ государствъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ познакомиться съ организаціей начальныхъ народныхъ школъ. На выставкѣ представленъ типъ такой школы въ натуральную величину со всѣмъ ея внутреннимъ устройствомъ. Мнѣ пришлось въ самомъ городѣ видѣть два-три учрежденія подобнаго рода, внѣшній видъ которыхъ скорѣе напоминаетъ дворцы или музеи, нежели дома, гдѣ обучается бѣдная часть населенія столицы. Внутренность ихъ соответствуетъ наружному виду. Классныя комнаты, по своимъ гигиеническимъ условіямъ и по своей уютности,

могутъ служить пріятнымъ мѣстопробываніемъ не только для бѣдныхъ неизбалованныхъ ребятъ, но и для дѣтей богатыхъ родителей. Учебныя пособія, рисунки, гипсовыя модели, карты размѣщены здѣсь не только удобно, но и красиво. Русскаго туриста поражаютъ въ этихъ школахъ ванныя помѣщенія, въ которыхъ ученики часто принимаютъ ванны и души. Дать возможность дѣтямъ, живущимъ подчасъ при самыхъ дурныхъ условіяхъ, укрѣпить и освѣжить себя ванной — дѣло достойное подражанія.

При школѣ имѣется и кухня, гдѣ дѣвочки пріучаются вести кулинарное хозяйство и стряпаютъ разныя кушанья, которыми пользуются неимущіе ученики. Вы видите тутъ же и гимнастическій залъ со всѣми приспособленіями для гимнастики, обязательной для всѣхъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Гимнастика для мальчиковъ ведется въ связи съ военными упражненіями, а для дѣвочекъ — съ танцами. Въ этихъ училищахъ проходятся слѣдующіе предметы по программѣ, которую всякій посѣтитель выставки можетъ видѣть на стѣнѣ классной комнаты: катехизисъ, ветхій и новыи завѣтъ. Чтеніе и письмо. Каллиграфія, географія, исторія, ариометика, геометрія, естествознаніе и государственное устройство родины. Кромѣ этихъ предметовъ, для всѣхъ обязательны занятія ручнымъ трудомъ. Въ особенныхъ комнатахъ-мастерскихъ мальчики обучаются разнымъ мастерствамъ, какъ-то: столярному, токарному, кузнечному и т. п., а дѣвочки — кройкѣ, шитью и кулинарному искусству. Въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ дается понятіе

о садоводствѣ и лѣсоводствѣ, а иногда въ большихъ городахъ обучаютъ и счетоводству.

При разумномъ чередованіи уроковъ съ физическимъ трудомъ, гимнастическими упражненіями и отдыхомъ семичасовое пребываніе въ школѣ (съ 8 часовъ утра) не кажется труднымъ, обширная учебная программа усваивается легко, не вызывая переутомленія, не ложась тяжелымъ баластомъ, отъ котораго ученики по окончаніи школы стремились бы освободиться. Интересъ къ научнымъ предметамъ, искусствамъ и ремесламъ, обучаемымъ въ школѣ, не покидаетъ ученика и при вступленіи въ жизнь, смѣшиваясь съ новыми интересами, охватывающими по неволѣ cadaго на пути практической дѣятельности. Этимъ объясняется обиліе въ странѣ всевозможныхъ хоровыхъ обществъ, любительскихъ музыкальныхъ кружковъ, гимнастическихъ и иныхъ фрейновъ, оживленная книжная торговля, процвѣтаніе ручного труда.

Вся Скандинавія покрыта густою сѣтью подобныхъ школъ, въ которыхъ обучаются совмѣстно мальчики и дѣвочки, при чемъ сельскія школы устроены по типу городскихъ.

Въ Даніи за послѣдніе нѣсколько лѣтъ завелся трогательный обычай въ каникулярное время пересылать партіи учениковъ городскихъ школъ на житье въ деревни, а питомцевъ сельскихъ училищъ въ города, особенно въ столицу. Дѣти размѣщаются въ незнакомыхъ имъ семьяхъ, гдѣ ихъ даромъ кормятъ и берегутъ. При этомъ малокровные горожане на лонѣ природы розовѣютъ,

а маленькіе здоровенные поселяне въ городахъ пріобрѣтають новыя впечатлѣнія и «утонченныя» манеры. Городской учительницѣ принадлежитъ починъ этой благородной и остроумной комбинаціи.

Вопросъ «о лишнемъ ртѣ» разрѣшенъ самымъ простымъ образомъ; въ то время, какъ сынъ городского ремесленника ѣстъ бутерброды въ семьѣ крестьянина, ребенокъ послѣдняго отправляется ѣсть эти бутерброды у ремесленника. При щедрости управленія желѣзныхъ дорогъ, предоставляющей дѣтямъ даровой проѣздъ, прогулки эти для бѣдныхъ людей не обременительны.

Исключительный интересъ представляютъ школы слойда, т. е. спеціальныя школы ручного труда, которыя поставлены въ скандинавскихъ странахъ образцово, особенно въ Швеціи. Въ школахъ этихъ каждый ученикъ, кромѣ получаемого имъ общаго образованія, пріучается управлять всевозможными ремесленными орудіями, необходимыми для изготовленія предметовъ обыденнаго житейскаго обихода. Школы эти являются подготовительной ступенью для образованія ремесленниковъ

Благодаря большому значенію въ народномъ воспитаніи гимнастики и ручного труда, скандинавецъ ловокъ и искусенъ. Очувшись въ положеніи Робинзона, онъ сумѣетъ собственными руками прокормиться, одѣться, устроить себѣ обстановку, — словомъ, сдѣлать все, что нужно для незатѣйливаго существованія человѣка, которому не предстоятъ свѣтскіе приемы и выѣзды.

Надо замѣтить, что подобное положеніе въ виду кли-

матическихъ и географическихъ условій Скандинавскаго полуострова весьма возможно. Морскія бури, зимнія мятели, непроходимыя горы съ ихъ стремнинами, углубляющіеся въ материкъ заливы и фіорды часто отрѣзываютъ селенія отъ главныхъ центровъ и другъ отъ друга. Это и вызвало у скандинавовъ необходимость развить въ себѣ умѣнье обходиться безъ помощи машинныхъ производствъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, и объясняется слабое развитіе мануфактурной промышленности въ странѣ, несмотря на обиліе горючаго матеріала, необходимаго для фабрикъ. Кромѣ того, ручныя занятія заполняютъ досугъ сельскаго жителя въ длинномъ зимнемъ сезонѣ, въ теченіе котораго поневолѣ прекращаются всѣ земледѣльческія работы и рыболовство. По этимъ причинамъ преподаваніе ручного труда въ сельскихъ школахъ поставлено еще лучше, чѣмъ въ городскихъ. По крайней мѣрѣ, большинство именно сельскихъ школъ слойда заслужили вниманіе экспертовъ и были отмѣчены высшимъ балломъ.

Знаменитая во всемъ мірѣ Неэская школа приготовляетъ искусныхъ учителей ручного школьнаго труда. Съ устройствомъ этой школы, которая привлекаетъ къ себѣ учениковъ со всѣхъ концовъ Европы и даже Америки, можно познакомиться по представленнымъ на выставкѣ ея отчетамъ, моделямъ и т. п. Въ школѣ этой, въ виду учениковъ-иностранцевъ, читаются лекціи, кромѣ шведскаго, на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Вообще педагогическое образованіе обставлено

въ скандинавскихъ странахъ, какъ видно по выставкѣ, — прекрасно. Педагогическая библіотека, основанная лишь въ 1885 году, отчеты и каталоги которой можно здѣсь разсмотрѣть, насчитываетъ 14,000 томовъ.

Гимнастическій институтъ представленъ на выставкѣ также блестяще. Вы можете разсмотрѣть здѣсь весь арсеналь приспособленій для всѣхъ отдѣловъ такъ называемой шведской гимнастики, отцемъ которой былъ знаменитый нѣкогда поэтъ Лингъ, сподвижникъ Тегнера въ дѣлѣ водворенія въ поэзіи древне-скандинавскаго духа. Мечта Линга — своими поэтическими работами и своей системой гимнастики — дать шведскому народу закалъ знаменитыхъ предковъ и здоровье во всѣхъ жизненныхъ проявленіяхъ, нѣкоторымъ образомъ осуществилась и даже въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ онъ предполагалъ, ибо его гимнастической системой воспользовался весь міръ. Хотя бы ради этого слѣдовало вспомнить по временамъ и о его поэзіи, забытой даже на его родинѣ.

Особенно интересны выставленные здѣсь приспособленія цѣлебной пассивной гимнастики и пассивнаго массажа. Отдаваясь въ распоряженіе инструментовъ, вы ѣдете верхомъ рысью или вскачь, карабкаетесь по горамъ, бѣгаете, прыгаете и т. д., безъ участія вашей воли и не выходя изъ комнаты.

Въ зданіи Сѣвернаго музея находится и выставка гигиены. Тутъ же можно обзрѣть устройство первоклассныхъ больницъ Стокгольма, познакомиться съ организаціей рабочихъ домовъ и школъ для немощныхъ тѣломъ

и духомъ. Школъ этихъ очень много. Въ одной Швеціи ихъ насчитывается десятками. Здѣсь фигурируетъ цѣлый рядъ издѣлій, производимыхъ въ школахъ или пріютахъ для слѣпыхъ, слабоумныхъ и идіотовъ.

Вообще въ этомъ зданіи можно составить себѣ понятіе о тѣхъ отрасляхъ культуры, которыми славятся и гордятся скандинавскіе народы. Первое мѣсто, конечно, занимаютъ школы, изъ которыхъ, благодаря физическимъ упражненіямъ, выходятъ юноши со здоровымъ вмѣстилищемъ для здороваго духа, способные въ каждую данную минуту стать въ ряды войскъ и пополнить собою немногочисленную шведскую армію, и дѣвушки бодрья, выносливыя, стройныя, граціозныя.

О прочности получаемаго въ этихъ школахъ образованія можно заключить по первому встрѣчному простолюдину. Дѣвушки, служащія при гостиницахъ, исполняющія всю черную работу, связанную съ ихъ службой, не только свѣдуши въ родной литературѣ, но упиваются чтеніемъ сочиненій лучшихъ авторовъ. Одно упоминаніе именъ нѣкоторыхъ писателей вызываетъ въ нихъ порывы восторга. Стоитъ вамъ заикнуться о Тегнерѣ, о Белльманѣ или же о Шарлоттѣ Шварцъ, Фредерикѣ Бреммерѣ, почти каждая, прижимая руки къ груди и закатывая глаза, воскликнетъ: «О!» и начнетъ съ увлеченіемъ перечислять сочиненія ихъ и рассказывать содержаніе любимыхъ вещей.

Мнѣ приходилось не разъ въ бесѣдѣ подвергать рабочихъ людей экзамену по зоологіи, ботаникѣ, исторіи,

и я всегда поражался ихъ знаніями, несмотря на то, что многіе покинули школы десять лѣтъ тому назадъ, срокъ, достаточный для того, чтобы при отсутствіи интереса къ предметамъ науки, школьные уроки испарились.

Всякій объяснитъ вамъ значеніе всѣхъ памятниковъ города. Многіе памятники не имѣютъ надписей, ибо полагается, чтобы шведы безъ надписей различали изображенія своихъ великихъ людей. Изображенія Густава-Адольфа, напримѣръ, до малѣйшихъ подробностей изучены еще въ школѣ. Что касается Карла XII, то всякій шведъ узнаетъ его даже по одной шпорѣ съ его характернаго сапога. И механикъ на пароходѣ, и ремесленникъ, и какой-нибудь лакей при ресторанѣ имѣютъ представленіе не только объ этомъ народномъ героѣ, но и объ «его геніальномъ противникѣ по ту сторону моря», о Петрѣ Великомъ. Вы нерѣдко увидите буфетчика и прислужницъ въ кафе, ресторанахъ или на пароходѣ въ минуты досуга за чтеніемъ и такихъ авторовъ, какъ Куперъ, Майнъ-Ридъ, Жюль Вернъ или же за самоучителемъ какого-нибудь иностраннаго языка, преимущественно французскаго или англійскаго.

Все это доказываетъ, что шведскіе учителя — люди, преданные дѣлу, виртуозно владѣющіе сложнымъ и труднымъ искусствомъ преподаванія.

Шведъ, окончившій свое школьное образованіе, какъ бы оно высоко ни было, имѣетъ видъ жизнерадостнаго борца, а не человѣка, удрученнаго бременемъ науки, согбеннаго обладателя аттестата зрѣлости.

Особенность скандинавскихъ народовъ заключается въ томъ, что знанія не подрываютъ въ нихъ преданности къ старымъ традиціямъ и не убиваютъ въ нихъ дѣтской вѣры. Напротивъ, просвѣщеніе придаетъ прирожденному въ нихъ чувству благочестія сознательность и силу.

Заявлять о своемъ свободомысліи, какъ это часто дѣлаютъ дочери итальянскаго народа, изъ прекрасныхъ устъ которыхъ не рѣдко вырывается фраза: *sono libera pensatrice*, или сыны Франціи—никому не придетъ въ голову. Доказательство этому можно видѣть и на выставкѣ. «Библейская галерея», устроенная здѣсь, какъ въ Берлинѣ, всегда полна зрителей.

И рабочій, и столичный купецъ, и буржуа изъ отдаленной провинціи, пріѣхавшій сюда съ супругой и дочерьми въ самодѣльныхъ туалетахъ по модѣ собственнаго изобрѣтенія—всѣ съ благоговѣйнымъ видомъ остановятся передъ рядомъ панорамъ съ восковыми фигурами, изображающими исторію Іисуса Христа. Въ окружающей полутьмѣ вы иногда слышите произнесенные шепотомъ параграфы изъ Евангелія, соотвѣтствующіе той или иной картинѣ.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Красивое гранитное зданіе Сѣвернаго музея, въ которомъ приютились школьная, гигіеническая и другія отдѣленія выставки, предназначено собственно для историко-культурной коллекціи, которая займетъ въ немъ свое мѣсто, какъ только это оригинальное, въ средне-вѣковомъ стилѣ, строеніе будетъ вполнѣ окончено. Въ настоящее время коллекцію эту можно видѣть въ пяти домахъ улицы Дротнинггатанъ. Это и есть такъ-называемый «Сѣверный музей», который отмѣченъ во всѣхъ путеводителяхъ, какъ одна изъ достопримѣчательностей города.

Музей этотъ составляетъ рѣдкое по богатству собраніе предметовъ, относящихся къ жизни скандинавскихъ народовъ съ начала до-историческихъ временъ вплоть до настоящаго вѣка, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Для меня онъ показался интереснымъ не только по своимъ

коллекціямъ утвари, посуды, музыкальныхъ инструментовъ, памятниковъ богослуженія и суевѣрій, историческихъ портретовъ, какъ, на примѣръ, Линнея, Торвальдсена и другихъ, но и по группировкѣ этихъ предметовъ въ характерной для даннаго времени связи ихъ между собою, воскрешающей передъ вами картины далекаго и близкаго прошлаго скандинавскихъ странъ. Вы увидите здѣсь и комнату роскошно мебелированную, убранныю въ стилѣ XVIII вѣка, и внутренность крестьянской избы въ той обстановкѣ, какую можно было встрѣчать еще въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, и старинную аптеку со всѣми ея аксессуарамъ и т. п.

Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ оживлены художественно исполненными восковыми фигурами въ соответствующихъ костюмахъ и позахъ.

Вотъ внутренность дома или стуги зажиточнаго крестьянина. Расписныя стѣны и потолки. Рѣзные шкапчики, скамьи, стулья — все это ручные продукты зимняго досуга. Кровать, вдѣланная въ стѣнѣ, задрапирована пологомъ самодѣльной ткани, постельное бѣлье въ ручныхъ прошивкахъ и кружевахъ. У кровати стоячіе, тоже самодѣльные часы. На столѣ, покрытомъ скатертью, обшитой кружевами, стоитъ цѣлый рядъ тарелочекъ съ характерными сморгосами, изъ папье-маше, конечно. Въ домѣ, какъ видно, мирно уживаются три поколѣнія: старикъ со старухой, молодые супруги, ребенокъ, играющій на полу, а также и гусь, довѣрчиво выглядывающій изъ подъ рѣзной скамьи.

А вотъ и молодая невѣста. Родные и знакомые, одѣтые по-праздничному, съ цвѣтами и подарками, приносятъ ей поздравленія. Дальше вы видите домъ крестьянина бѣднаго. Хорошенькая Сандрильона сидитъ за прялкой и несовсѣмъ опрятной ножкой вертитъ колесо и т. п.

Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ, по справедливости, обратившихъ на себя вниманіе на выставкахъ Чикаго и Парижа, сгруппированы по извѣстнымъ картинамъ, напр., группа, изображающая смерть ребенка въ крестьянской семьѣ, составлена по извѣстной картинѣ шведской художницы Амеліи Линдегрень.

Благодаря подобному расположенію предметовъ, вы знакомитесь наглядно не только съ обстановкой жилья въ разныхъ частяхъ Скандинавіи, но со всѣми подробностями костюмовъ ея населенія и даже съ его нравами и обычаями.

Помимо своего богатаго содержанія, Сѣверный музей представляетъ интересъ и по исторіи своего возникновенія, которая характеризуетъ отношеніе шведовъ ко всякимъ просвѣтительнымъ начинаніямъ. Всѣ многочисленныя коллекціи музея, переполняющія семьдесятъ комнатъ и вызывающія удивленіе археологовъ, собраны всего лишь въ теченіи четверти вѣка усиліями одного лица, доктора Газеліуса, которому принадлежитъ и самая патріотическая инициатива составить осязательную иллюстрацію къ исторіи и этнографіи родной страны. Несомнѣнно, что подобная задача была бы невыполнима въ средѣ, инертной ко всему, что не даетъ немедленной

матеріальної выгоды. Такое дѣло возможно было осуществить лишь при дѣятельномъ сочувствіи самого народа. Такъ созданъ крестьянскій университетъ въ Швеціи, о которомъ рассказывала въ свое время Софія Ковалевская, такъ созданъ Сѣверный музей изъ добровольныхъ пожертвованій деньгами и вещами, такъ воздвигаются здѣсь школы-дворцы, такъ въ три недѣли собраны около 40,000 кронъ для постройки временнаго павильона для большихъ концертовъ нынѣшняго съѣзда музыкальныхъ дѣятелей участвующихъ въ выставкѣ трехъ сѣверныхъ странъ и т. п.

Рядомъ съ Сѣвернымъ музеемъ стоитъ осмотрѣть находящійся въ предѣлахъ выставки біологическій музей съ его собраніемъ фауны Скандинавіи. Каждая особь представлена здѣсь въ соотвѣтственной обстановкѣ, устроенной съ тонкимъ соблюденіемъ всѣхъ особенностей, и въ характерныхъ моментахъ жизни. Глядя на всѣ эти полныя оживленія группы, вы едва вѣрите, что передъ вами лишь оболочки обитателей лѣсовъ, скалъ, полей Скандинавіи. Музей устроенъ профессоромъ зоологіи Упсальскаго университета совмѣстно съ художникомъ Лильефорсомъ, завѣдывавшимъ группировкой животныхъ. Это тотъ самый художникъ, картина котораго «Орлы» замѣтно выдѣляется на международной художественной выставкѣ по своему сюжету и выполненію.

Въ біологическомъ этомъ музеѣ мнѣ невольно вспомнились фигуры птицъ, которыхъ я нѣкогда съ такимъ рвеніемъ изучалъ въ музеѣ при нашей академіи наукъ. Я какъ

теперь вижу представителей свободного пернатого царства, красующихся за стѣнами шкаповъ на своихъ деревянныхъ тумбочкахъ, прилизанныхъ, чопорныхъ, въ классическихъ позахъ, въ какихъ наши дѣдушки и бабушки усаживались передъ допотопными дагеротипными аппаратами.

И у насъ нашлись бы, конечно, ученые и художники для устройства такого же неоцѣненного учебнаго пособия, какимъ является стокгольмскій Біологическій музей, заслуживающій серьезнаго вниманія. Какія прекрасныя группы могъ бы составить одинъ профессоръ Кайгородовъ, этотъ знатокъ природы и талантливый бытописатель птичьяго населенія Россіи.

* * *

Дополненіемъ къ Сѣверному и Біологическому музеямъ является Скансенъ, занявшій въ послѣднее время первое мѣсто въ сердцѣ стокгольмскаго жителя и шведа вообще. Скансенъ—это великолѣпный обширный паркъ, расположенный надъ Дьургорденомъ, на скалистой плоской возвышенности, перерѣзанной рѣчками, озерами, прудами. Это—паркъ и вмѣстѣ съ тѣмъ музей en plein air съ оригинальною коллекціей человѣческихъ жилищъ, памятниковъ, людей и звѣрей. И на Скансенѣ представлены картины культуры скандинавскихъ народовъ, какъ въ Сѣверномъ музеѣ, и картины жизни животныхъ, населяющихъ Скандинавію, какъ въ Біологическомъ, но

здѣсь картины проникнуты трепетомъ настоящей неподдѣльной жизни. И жилища, и сады, и звѣри — все это настоящее, неподдѣльное.

Тутъ и юрта лапландца съ ея обитателями, съ окружающею ее средой, съ живыми оленями и собаками, и хижина угольщика, и домикъ лѣсовщика, и пріютъ пастуха. Во всѣхъ жилищахъ, населенныхъ жителями той провинціи, изъ которой сюда перенесено строеніе, течетъ жизнь такъ же, какъ она проходила тамъ — въ глуши, съ соотвѣтственнымъ той мѣстности домашнимъ и полевымъ хозяйствомъ.

Такимъ образомъ, не углубляясь въ страну, лишь прогуливаясь по живописному парку, вы можете познакомиться съ обычаями характерныхъ частей населенія Скандинавіи съ ея флорой, фауной, въ живыхъ образцахъ.

Главный интересъ Скансена заключается въ коллекціяхъ жилищъ прошедшихъ временъ, въ разныхъ памятникахъ старины. Вотъ рядъ грубообтесанныхъ плитъ съ руническими надписями — родъ древняго кладбища. Вотъ старинная колокольня, съ башни которой каждый вечеръ раздается колокольный звонъ. Вотъ лагерь Карла XII, а въ нѣкоторомъ отдаленіи могилы павшихъ воиновъ. А вотъ и нѣсколько домовъ, насчитывающихъ двѣсти—триста лѣтъ существованія, почти неподвергнувшихся переменамъ новизны. Все это дома подлинные, перенесенные сюда изъ далекихъ провинцій, гдѣ можно встрѣтить много отлично сохранившихся въ пер-

воначальномъ видѣ старыхъ строеній. Шведъ не только не любитъ продавать свое наслѣдственное гнѣздо, но и передѣлывать его на новый ладъ. Во многихъ домахъ сохраняется вѣками и живопись, украшающая и до сихъ поръ ихъ стѣны и потолки, образчики которой можно видѣть въ домахъ, стугахъ, перенесенныхъ на Скансенъ. Войдя въ какую-нибудь изъ этихъ стугъ, осматривая ея внутреннюю обстановку, вамъ и въ голову не приходитъ, что вы находитесь нѣкоторымъ образомъ въ музеѣ, что всѣ эти вещи—предназначены для обзора публики. Вамъ кажется, что вы попали въ обитаемое жилище, что въ огромномъ очагѣ, съ подвѣшеннымъ въ немъ на цѣпяхъ котломъ, только что потухъ огонь.

Да вотъ и обитатели: передъ широкимъ окномъ въ средневѣковомъ стилѣ сидитъ хозяинъ и мастеритъ часы, а къ двух-этажной кровати, раздѣленной еще и продольной перегородкой, прикрѣплена люлька со спящимъ въ ней ребенкомъ. Вамъ такъ и хочется поздороваться съ трудолюбивымъ часовщикомъ 16-го вѣка, съ этимъ даллекарлійцемъ изъ Мора, гдѣ и теперь крестьяне усердно занимаются часовымъ мастерствомъ. Такъ же замѣчательны и Blekingstugan, Volnästugan и другіе.

Интересна также обитель знаменитаго теософа Сведенборга, которая была сюда перенесена тѣмъ же докторомъ Газеліусомъ, основателемъ Скансена, по мановенію котораго въ этомъ паркѣ водворены и всѣ другіе строенія и памятники. На столахъ разложены фоліанты,

сочиненія этого ученаго мистика, а въ углу комнаты стоятъ открытыя клавикорды.

Многочисленныя дорожки, ведущія ко всѣмъ обитающимъ звѣрей, ко всѣмъ стугамъ и выдающимся мѣстамъ парка, носятъ названія историческихъ лицъ, являющихся какъ бы патронами этого національнаго учрежденія.

*
* * *

Въ обширномъ паркѣ оригинальнаго музея (Скансенъ) устраиваются традиціонныя празднества съ народными танцами, состязаніями, играми въ духѣ старины, на которыхъ современные шведы веселятся не меньше ихъ воинственныхъ и наивныхъ предковъ. Главный интересъ этихъ празднествъ составляютъ историческія процессіи, представляющія или выдающееся событіе, или характерный обычай.

Мнѣ пришлось видѣть процессію, изображавшую, какъ мнѣ объясняли, пріѣздъ въ шведскій лагерь, во время тридцатилѣтней войны, женъ «храбрыхъ воиновъ». Бѣдныя любящія женщины попали въ моментъ, когда ихъ достойные мужья возвращались въ свой станъ побѣдителями послѣ какой-то стычки. Впереди шествуетъ музыка, за нею слѣдуетъ воинство, причемъ солдаты несутъ на своихъ плечахъ раненаго въ бою военачальника, который съ забинтованной, вѣроятно, стариннымъ способомъ, ногой покоится на носилкахъ. Звуки музыки смѣшиваются съ радостной пушечной пальбой. Вообще

пальба играетъ на этихъ празднествахъ большую роль. Во всѣ дни увеселеній на Скансенѣ такъ и грохочутъ пушки.

Въ процессіяхъ участвуетъ стокгольмская молодежь: студенты и хорошенькія дѣвушки и дамы изъ общества. И участвующимъ, и публикѣ, очевидно, очень весело. Даже присутствующій на этихъ праздникахъ король явно показываетъ, что ему очень интересны и танцы лапландской дѣвушки подъ звуки первобытнаго оркестра и игра на гармоникѣ какой-то мѣстной знаменитости, и рыцарь съ забинтованной ногой. Никто сюда не является, какъ *trouble fête* съ кислымъ лицомъ, съ выраженіемъ высокомерія и презрѣнія къ этимъ наивнымъ забавамъ. Кому они кажутся скучными и кто черезчуръ уменъ, тотъ сидитъ дома.

Увеселенія эти разнообразятся катаньемъ на лапландскихъ собакахъ, маленькихъ шведскихъ лошадкахъ и общимъ катаньемъ въ огромной телѣгѣ, украшенной лѣсомъ зеленыхъ вѣтокъ. Въ такой телѣгѣ усаживается многочисленная компанія дамъ и кавалеровъ.

На томъ праздникѣ, на которомъ мнѣ пришлось быть, публика получила удовольствіе сверхъ программы. Въ телѣгѣ заартачилась лошадь и бросилась въ сторону, чѣмъ произвела среди катавшихся и публики переполохъ. Молодые люди скоро нашлись. Они выпрягли животныхъ и повезли своихъ дамъ сами. Этотъ отсутствовавшій въ

программѣ нумеръ увеселенія особенно понравился, главнымъ образомъ, лицамъ, занявшимъ мѣсто лошадей.

Такіе же праздники, говорятъ, даются на Скансенѣ и зимою, чаще всего на Рождествѣ. Тогда процессіи имѣютъ религіозный характеръ, а всѣ старинныя стуги превращаются въ привѣтливые убѣжища для гостей. Впрочемъ, и теперь нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримеръ, большая Больнастуганъ, обращены были въ буфеты, въ дополненіе къ открытымъ павильонамъ, въ характерѣ старинныхъ базарныхъ лотковъ, гдѣ съ благотворительной цѣлью сервируютъ чай, кофе и т. п. благотворительныя дамы въ національныхъ нарядахъ.

И все это веселье получается за грошъ. Никто имъ, однако, изъ-за дешевизны не брезгаетъ. Никто не стѣсняется болтать, смѣяться, находиться на людяхъ за полтинникъ, входную плату на Скансенъ.

На другой день послѣ этого шумнаго праздника на Скансенѣ все было тихо. Изрѣдка только попадались любители уединенія, да у пороговъ стугъ иногда показывались въ пестрыхъ скандинавскихъ нарядахъ дѣвушки, стерегущія эти памятники старины. Изъ Больнастуганъ раздавались нѣжные звуки кантеллы, финляндскаго національнаго музыкальнаго инструмента въ родѣ цитры. Заплативъ десять оре, я вошелъ въ просторную комнату, стѣны которой вмѣсто всякаго убранства были украшены живописью на сюжеты изъ Евангелія наивной, но выразительной кистью стариннаго ху-

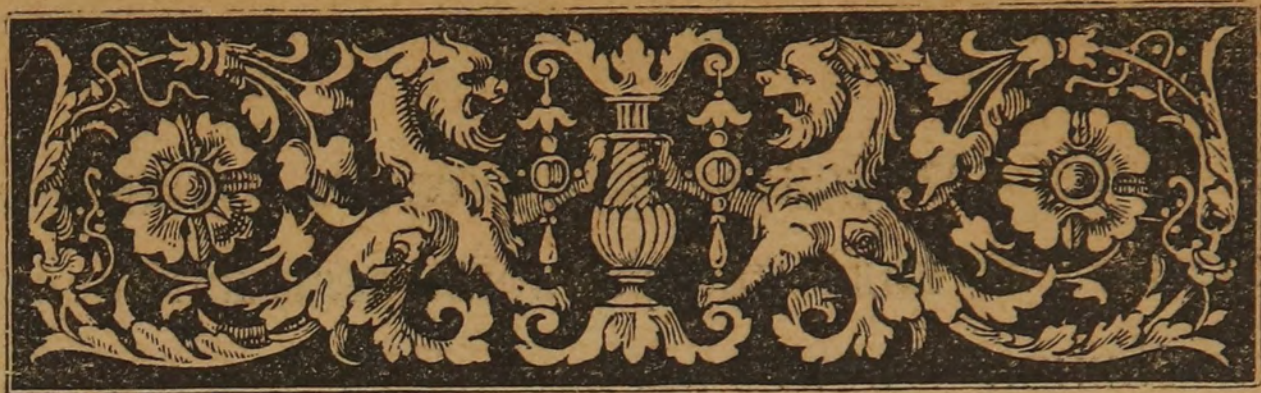
дожника. За длиннымъ столомъ, украшеннымъ канделябрами въ средневѣковомъ стилѣ, сидѣлъ еще молодой человекъ, одѣтый въ старо-финскомъ нарядѣ и съ глазами, упорно устремленными въ одну точку, искусно перебѣгалъ пальцами по струнамъ. Талантливый музыкантъ былъ лишенъ зрѣнія. Сквозь небольшое окно пробивались лучи заходящаго солнца, озарявшіе фантастическимъ свѣтомъ и скорбныя, страдальческія лица фигуръ на стѣнахъ, и лицо слѣпого музыканта, извлекавшаго изъ инструмента мелодіи, говорившія все о тѣхъ же людскихъ печаляхъ и страданіяхъ.

Выйдя изъ Больнастуганъ, я долго бродилъ по этому своеобразному музею-парку, на окраинѣ котораго находится башня, имѣющая 77 метровъ вышины. Это такъ-называемый Бельведеръ или Бредабликъ. Въ башнѣ помѣщаются какія-то древнія вещи, а также кафе. Я поднялся на верхнюю площадку этого строенія, откуда въ хорошую погоду, какъ говорятъ, можно видѣть колокольню упсальской церкви. У ногъ моихъ разстилалась волшебная панорама выставки, города и его далекихъ окрестностей среди зелени и воды въ золотомъ вечернемъ закатѣ. Снизу доносились грустные звуки какого-то сентиментальнаго вальса, разыгрываемаго небольшимъ оркестромъ передъ кафе. На этой высотѣ я въ первый разъ почувствовалъ, что виднѣвшійся вдали милый городъ для меня чужой, что я для копошащихся тамъ внизу людей чужой и лишній. И чувство одиночества, это горькое чувство, которое грызетъ часто человекъ и

среди близкихъ, съ особенной силой овладѣло мной на этой высотѣ.

Но это ужъ не относится къ стокгольмской выставкѣ и я вовсе не рекомендую туристамъ предаваться меланхолии на мѣстѣ, предназначенномъ для восхищенія природой.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Въ дополненіе къ прошлому письму я долженъ прибавить, что шведскіе археологи и вообще ученые свои изслѣдованія и открытія выпускаютъ въ свѣтъ не въ туманной оболочкѣ, наводящей тоску, а въ ясномъ, понятномъ и интересномъ для всѣхъ видѣ. Всякая археологическая находка, описанная въ привлекательной формѣ, быстро становится достояніемъ всего народа. Вотъ почему, какъ описанные уже мною музеи, такъ и другія учрежденія этого рода, напр., національный музей, очень популярны, посѣщаются, особенно по праздникамъ, людьми всѣхъ классовъ, а не представляютъ собою мѣста, оживленные лишь рѣдкимъ появленіемъ ученыхъ мужей, небольшого числа любителей, да присутствіемъ сторожей, упражняющихся въ неустанной борьбѣ съ пылью.

Насколько быстро прививаются въ этой странѣ всякія усовершенствованія въ области техники, всякія открытія науки, можно судить по распространенности въ ней пользования телефономъ. Весь Скандинавскій полуостровъ

покрыть сѣтью телефонныхъ проволокъ, соединяющихся въ Стокгольмѣ въ видѣ прозрачной, возвышающейся надъ городомъ башни. Въ то время, какъ у насъ имѣются телефоны лишь въ болѣе значительныхъ учрежденіяхъ и въ квартирахъ лишь очень богатыхъ людей, въ Стокгольмѣ въ каждой лавченкѣ и въ каждой квартирѣ средней руки вы найдете телефонъ, за пользованіе которымъ абонементная плата не превышаетъ 25 рублей въ годъ. Самыя отдаленныя деревушки, въ мѣсяцы, когда онѣ отрѣзаны другъ отъ друга и отъ всего міра, имѣютъ возможность переговариваться по телефону и между собою, и со столицами Скандинавіи, а въ Стокгольмѣ самый бѣдный чиновникъ, въ любую минуту, зайдя въ первую попавшуюся лавку, можетъ справиться за 15 коп. по телефону о «драгоцѣнномъ здоровьи своей невѣсты».

Мнѣ остается еще сказать о художественномъ отдѣлѣ Сѣверной выставки, которая продлится до конца сентября. Все прочее не упомянутое мною, нужно надѣяться, наши любознательные туристы отыщутъ сами.

— Вы видѣли павильонъ выставки Скопії? Вы опускались тамъ въ шахту? Опуститесь!

— Вы поднимались на подъемной машинѣ на главную башню павильона Промышленности? Вы переѣзжали оттуда по воздушной желѣзной дорогѣ на другой берегъ залива? Это очень страшно, но за то какой видъ! Поднимитесь!

— Видѣли вы музей восточныхъ рѣдкостей Мартина?

О, въ немъ множество вещей изъ Кавказа и Ташкента, и очень интересныхъ!

— А извлеченный со дна моря пароходъ, который три года покоился подъ водой?

— А норвежскіе мѣха?

— А Сепараторъ-павильонъ? Тамъ показываютъ отличную машину, ловко отдѣляющую молоко отъ сливокъ, очень недорогую и пригодную для домашняго употребленія. Видѣли вы тамъ бациль холерныхъ и чахоточныхъ? Какъ же! Показываютъ! Очень занимательно!

Подобнаго рода полезные вопросы туристы предлагаютъ другъ другу при оживленныхъ встрѣчахъ. Фразы «какъ вы поживаете» или «хорошо ли вы почивали» здѣсь замѣняются вопросами о томъ, видѣли ли вы бациль въ молокѣ или гномовъ въ гротѣ изъ кристаловъ сѣрно-кислой мѣди. Задавать эти вопросы значитъ показать свою заботливость о вашемъ благополучіи.

Такимъ образомъ, благодаря этой заботливости туристовъ другъ о другѣ, каждый возвращается къ своимъ со спокойной увѣренностью, что онъ все видѣлъ, вездѣ опускался, повсюду поднимался.

Однако, и при этомъ взаимномъ контролѣ бываютъ досадныя упущенія.

— А вы видѣли локомотивъ съ колесами величиной выше человѣческаго роста?—спросила одна дама другую, уже на пароходѣ, когда онъ, равномерно скользя по морю, удалялся отъ великолѣпнаго города и уносилъ насъ по домамъ.

— Нѣтъ, не видала. — со смущеніемъ и большой тре-
вогой, отвѣтила спрошенная, широко раскрывъ красивые
глаза и сдѣлавъ движеніе впередъ, какъ бы съ намѣреніемъ
устремитъ въ машинное отдѣленіе стокгольмской вы-
ставки, чтобы осмотрѣть удивительный локомотивъ.

Мысль, что вмѣстѣ съ этой замѣчательной машиной
она могла пропустить и многое другое, столь же замѣ-
чательное, видно глубоко ее обезпокоила.

— Локомотивъ съ колесами выше человѣческаго
роста!! Нѣтъ не видала, не видала, — повторила она нѣ-
сколько разъ озабоченнымъ тономъ.

Мнѣ очень хотѣлось утѣшить опечаленную даму,
сказавъ ей: «зачѣмъ вамъ осматривать какіе-то локо-
мотивы, когда на васъ самихъ такъ интересно глядѣть»,
но я побоялся легкомысленной шуткой, неумѣстной въ
такомъ важномъ дѣлѣ, показаться въ глазахъ моей пере-
довой соотечественницы слишкомъ отсталымъ, и я только
сочувственно замѣтилъ:

— Что дѣлать! И я тоже не видалъ.

Растилавшаяся вокругъ насъ панорама отвлекла насъ
отъ этихъ грустныхъ мыслей. На этотъ разъ сѣверное
солнце не пряталось за тучи, а милостиво озаряло намъ
путь, и шхеры предстали передъ нами во всей своей
давно прославленной красотѣ.

Глядя на мелькавшія мимо насъ картины природы,
я представлялъ въ своемъ умѣ рядъ картинъ, созданныхъ
рукой человѣка, одушевленнаго неустаннымъ стремле-
ніемъ захватить ея красоту, запечатлѣть ее, сохранить,

какъ драгоцѣнное сокровище, въ четырехъ стѣнахъ. Передъ моими глазами вновь вставали всѣ эти произведения живописи, которыя я только-что осматривалъ въ національномъ музеѣ шведской столицы и на международной художественной выставкѣ въ этомъ городѣ, гдѣ мнѣ и многимъ русскимъ туристамъ пришлось впервые познакомиться со скандинавскими художниками, особенно съ художниками шведскими, почти у насъ неизвѣстными, но заслуживающими популярности на-ряду со многими европейскими знаменитостями: съ Кроннебергомъ, Мальмстремомъ, Ольсономъ, фонъ-Розеномъ, Седерстремомъ, Фагерлиномъ, Ларсономъ и многими другими.

Въ 33-хъ залахъ павильона искусствъ, Konsthallen, нашли пріютъ произведенія искусствъ всѣхъ странъ и всѣхъ направленій.

Всѣ способы, которыми нынѣшнее человѣчество воплощаетъ въ образахъ свое міровоззрѣніе, свои печали и надежды, всѣ получили санкцію у шведовъ, которые и въ этомъ дѣлѣ проявили свойственную имъ терпимость. Тутъ картины и въ традиціонномъ родѣ, и въ импресіонистскомъ стилѣ, и даже въ декадентскомъ.

Море, пейзажъ, поэзія повседневной жизни, всѣ виды человѣческаго горя, а также смерть, мудро развязывающая запутаннѣйшіе узлы человѣческаго существованія—вотъ главные сюжеты, которыми вдохновляются художники скандинавскихъ странъ.

Море грозное, море еле трепещущее, море въ розовомъ освѣщеніи утра, въ закатѣ дня, въ томномъ блескѣ

луны вѣетъ жизнью и правдой на многихъ картинахъ скандинавскихъ художниковъ, какъ, на примѣръ, на картинахъ датчанина Христензена, шведа Ольсона, любимого норвежскаго живописца Синдинга.

Закатъ солнца, этотъ любимый мотивъ поэтовъ и художниковъ всѣхъ странъ и временъ, этотъ моментъ дня, вызывающій въ человѣкѣ чувство сладкой тоски, бессознательной тревоги передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, надвигающимся съ ночью тьмою, разработанъ во многихъ видахъ. Норвежецъ Скресвигъ своей картиной, изображающей всадника, направляющагося въ сторону заката, тонко передаетъ это настроеніе вмѣстѣ съ чувствомъ одиночества среди тихой и безмолвной природы. Но верхъ мастерства въ изображеніи этого момента дня достигъ датчанинъ Бразенъ своей картиной «Солнечный закатъ». Больно глазамъ смотрѣть на это яркое заходящее свѣтило, отъ котораго идутъ потоки горячихъ лучей, стелящихся по землѣ, искрящихся въ озерѣ, точно заревомъ освѣщающихъ животныхъ на водопоѣ и босоногого мальчугана-пастуха. Любители отыскивать «гвозди» находили, что картина Бразена именно и есть гвоздь выставки.

Гвоздемъ ея многіе считаютъ и картину Седерстрема: въ простомъ кабакѣ молодая дѣвушка изъ «арміи спасенія» направляетъ на путь истины «заблудившихся». Съ кротостью во всѣхъ чертахъ ея блѣднаго лица произноситъ она слова поученія этимъ грубымъ, глумящимся надъ ней людямъ, обнимая взглядомъ, полнымъ любви,

свѣтящейся въ ея восторженныхъ синихъ глазахъ, всѣхъ этихъ потерянныхъ и погибающихъ кабацкихъ завсегдаевъ. Вотъ въ какой формѣ скандинавецъ представилъ идею любви, которая, по выраженію Данте, движетъ солнцемъ и звѣздами, *l'amor che muove l'sole e l'altre stelle*.

Любовь романтическая не нашла себѣ въ средѣ скандинавскихъ художниковъ усердныхъ почитателей. Она фигурируетъ у нихъ или въ комической интермедіи, какъ на нѣкоторыхъ картинахъ въ родѣ «Предложенія» В. Маковскаго, или же въ трагическомъ финалѣ, какъ на картинѣ норвежца Соота (Soot) «Дѣтоубійца». На ней изображенъ одинъ изъ случаевъ многочисленныхъ любовныхъ исторій, въ которыхъ только женщинѣ приходится расплачиваться жесточайшими физическими и нравственными страданіями. Молодая крестьянка, не запасшаяся брачнымъ свидѣтельствомъ, убила въ коровникѣ своего новорожденного младенца. Боль, ужасъ, отчаянье искажаютъ красивое лицо дѣвушки съ горящими глазами. Со стиснутыхъ устъ точно срываются проклятія по адресу всегда отсутствующаго въ такихъ случаяхъ Донъ-Жуана, проклятія, которыя, все еще являются единственной карой, поражающей настоящихъ виновниковъ подобныхъ преступленій.

Женская недоля представлена очень сильно въ этой картинѣ. Глядя на нее, вамъ и въ голову не приходитъ мысль о ея достоинствахъ или погрѣшностяхъ. Васъ тревожитъ дума о множествѣ женскихъ существованій, ско-

шенныхъ мужской эгоистической необузданностью, которую именуютъ нѣжнымъ словомъ любви.

«Разсвѣтъ» Остермана тоже многимъ нравится. Художникъ рисуетъ мотивъ изъ той же мелодіи, только менѣе мрачно гармонизованный: покинутая одинокая мать, непосильный трудъ до разсвѣта, загубленная женская жизнь.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Если романтическая любовь у скандинавцевъ не въ фаворѣ, зато любовь материнская у нихъ въ большомъ почетѣ. Ее иллюстрируютъ многіе художники и весьма талантливо. Сколько любви въ этой молодой матери, холенной, красивой, укутанной въ теплой постели, прижимающей къ груди своего новорожденного младенца, изображенной на картинѣ норвежца Братланда. Вообще, во всѣхъ дѣтскихъ фигурахъ, на картинахъ скандинавцевъ, въ каждой черточкѣ ихъ лица, въ каждой складочкѣ платья вы видите отблескъ все той же родительской любви.

Стоитъ взглянуть на рядъ картинокъ Карла Ларсона, этого виртуоза въ изображеніи дѣтской, этого апологиста тихой семейной жизни, умѣющаго находить въ ней прелесть и поэзію, чтобы понять, почему педагогія стоитъ у шведовъ такъ высоко. «Любовь, разумная любовь къ дѣтскому міру», вотъ правило, начертанное не только въ

руководствахъ, но и въ сердцахъ скандинавскихъ педагоговъ. Этимъ между прочимъ и объясняется, почему у нихъ учитель является лицомъ, котораго безконечно идеализируютъ и въ литературѣ и въ живописи. Примеръ этому можно видѣть на картинѣ «Människones son», норвежда Скредсвига, который, какъ намъ кажется, вдохновился Гауптманомъ, персонажемъ учителя въ его пьесѣ, Ганнеле. Прекрасный миражъ романтической любви является на этой выставкѣ лишь въ изображеніи двухъ англійскихъ художниковъ.

«La belle dame sans merci» Ватергуза—чудная сказка, рассказывающая о порабощеніи мужской силы женской красотой, невинностью и кротостью. Прекрасная, какъ цвѣтокъ, среди дикихъ цвѣтовъ, женщина, хрупкая, какъ эти цвѣты, съ синими невинными глазками, съ маленькими розовыми ножками, приковала суроваго воина, прядью своихъ каштановыхъ волосъ, опутавшею его шею какъ желѣзной цѣпью.

Любовь торжествующая надъ всѣмъ, даже надъ самой смертью, счастливая и въ несчастьи, нашла свое выраженіе у англійскаго извѣстнаго импресіониста Вортса, картины и даже портреты котораго производятъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ изобразилъ витающія въ пространствѣ тѣни знаменитыхъ любовниковъ изъ божественной комедіи Данте. Прекрасная головка Франчески съ печатью смерти на окаменѣлыхъ чертахъ, но одухотворенныхъ вѣяніемъ неземной жизни, тихо и доврчиво покоится на плечѣ возлюбленнаго, который крѣпко и бе-

режно обхватилъ ея станъ. Глаза Паоло съ тоской и жалостью опущены на прильнувшую къ нему подругу, на выразительныхъ губахъ его улыбка восторга и горечи отъ воспоминаній о былыхъ счастливыхъ дняхъ и перенесенныхъ страданіяхъ:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

точно шепчуть его уста тѣ слова, которыми Франческа начинаетъ грустный рассказъ о своей любви встрѣтившемуся имъ въ обители смерти поэту. Нельзя себѣ представить болѣе прекраснаго воплощенія поэтического эпизода изъ бессмертной поэмы, болѣе сильнаго выраженія возвышенной любви двухъ существъ, соединенныхъ въ объятіяхъ милосердной къ людскимъ страданіямъ смерти. Только средняя часть знаменитой симфоніи Чайковскаго, вдохновившагося тѣмъ же сюжетомъ, можетъ сравниться по силѣ производимаго впечатлѣнія съ этой картиной Вортса.

Новыя вѣянія коснулись и скандинавскихъ художниковъ. Многія картины обращаютъ на себя вниманіе странностью сюжетовъ и манерой исполненія, какъ, напр., «Человѣческая голова» въ тискахъ змѣй — Гейердаля, «Лиловый восходъ» — Андерсена, его же — портретъ любимаго писателя Гейденштамма, съ вѣнкомъ изъ красныхъ листьевъ на выразительной головѣ, «Гансъ Алиенусъ» художницы Паули и др. Послѣдняя картина символически представляетъ тяжелую судьбу людей, вѣнчаемыхъ

лаврами. Это довольно удачная иллюстрація къ философскому роману того же имени Гейденштамма, который изображенъ на этой картинѣ подъ видомъ «Ганса Алиенуса», героя романа.

Въ средѣ скандинавскихъ художниковъ преобладаетъ стремленіе къ правдѣ и простотѣ, стремленіе къ изображенію обычныхъ тягостей и радостей жизни. Вотъ картина Фагерлина «Ревность». Что можетъ быть проще ревности и сколько разъ это чувство уже эксплуатировали художники, а между тѣмъ сколько въ этой картинѣ интересныхъ штриховъ, сколько движенія и сколько драматизма, безъ аффектаціи. Вотъ картины, полныя успокаивающаго юмора датскихъ художниковъ: Кройера, Экснера и др., шведовъ: Валландера, Лильефорса, этого оригинальнаго и сильнаго изобразителя животнаго царства, Валандера, Веннерберга, этого талантливаго поклонника душистой флоры. Картинка послѣдняго, на которой изображенъ цвѣтокъ гортензіи въ рукахъ милой дѣвушки тоже Гортензіи, невольно привлекаетъ взоры. Оба цвѣтка исполнены одинаковыми красками и одинаково искусно. А вотъ и «Старая и молодая Швеція» Малмстрема, эти маленькіе школьники, устремляющіеся стройнымъ военнымъ маршемъ впередъ мимо стараго солдата, провожающаго добродушнымъ и благословляющимъ взглядомъ юную армію.

Въ бѣгломъ очеркѣ трудно описать все, что есть на выставкѣ интереснаго и характернаго, но нельзя пройти молчаніемъ портретный родъ живописи, который у шве-

довъ особенно процвѣтаетъ. Изъ числа прекрасныхъ портретистовъ теперь выдѣляется молодой художникъ Цорнъ. Портреты его работы полны жизни, движенія, простоты. Ни малѣйшей позировки, аффектаціи, точно оригиналы ихъ и не подозрѣвали, что съ нихъ собираются писать портретъ, мысль, смущающая не только кокетливыхъ женщинъ, но даже самаго безпретенціознаго насчетъ своей красоты мужчину. Портретъ «г. Виссельгрэна» кажется точно написаннымъ въ одинъ мигъ, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій какъ бы въ минуту, какъ этотъ извѣстный всему Стокгольму секретарь Общества Idun собирается произносить очевидно интересный тостъ. Также обращаетъ на себя вниманіе портретъ блондинки въ красномъ костюмѣ. Такъ и хочется пойти вслѣдъ за этой дамой, чтобы еще разъ полюбоваться ея веселымъ беззаботнымъ лицомъ.

И художники другихъ странъ выставили здѣсь не мало прекрасныхъ произведеній, главнымъ образомъ портретовъ. Кромѣ названныхъ англійскихъ художниковъ, вы увидите картины нѣмцевъ Ленбаха, Ментцеля, Ахенбаха и др., знаменитаго американца Вистлера, англичанъ: Геркомера, Форбеса, Шанона. Картина Шанона, изображающая миссъ, восходящую на лѣстницу, съ непринужденной граціей женщинъ благородной расы — полна прелести. Французы блистаютъ на всей выставкѣ безподобнымъ изображеніемъ женскаго тѣла. Многія картины, выставленныя французами здѣсь, были и у насъ въ Петербургѣ. Знатоки обращаютъ вниманіе на двѣ

картинки Рафаелли — новой восходящей звѣзды: «Уголокъ корабля» и «Церковь St. Etienne du Mont de Paris».

Очень вѣроятно, что большинство шведовъ до нынѣшней выставки, имѣло о насъ такое же смутное понятіе, какое еще весьма недавно существовало о Россіи въ остальной Европѣ. поэтому все русское возбуждаетъ въ нихъ большой интересъ и непомѣрное удивленіе, въ томъ числѣ и живопись. Остановливаясь передъ «Запорожцами», «Бурлаками» Рѣпина, передъ малороссійскими сценами В. Маковского и передъ другими отличными картинами, изображающими исключительно нашу народную жизнь въ быломъ и настоящемъ, шведы выносятъ о нашемъ бытѣ нѣсколько одностороннее представленіе. Скульптура наша совсѣмъ отсутствуетъ на выставкѣ. Между тѣмъ, въ числѣ произведеній даже болѣе молодыхъ нашихъ скульпторовъ нашлось бы многое для нихъ интересное, хотя бы, напр., «Снѣгурочка» г. Беклемишева и «Татьяна» г-жи Диллонъ.

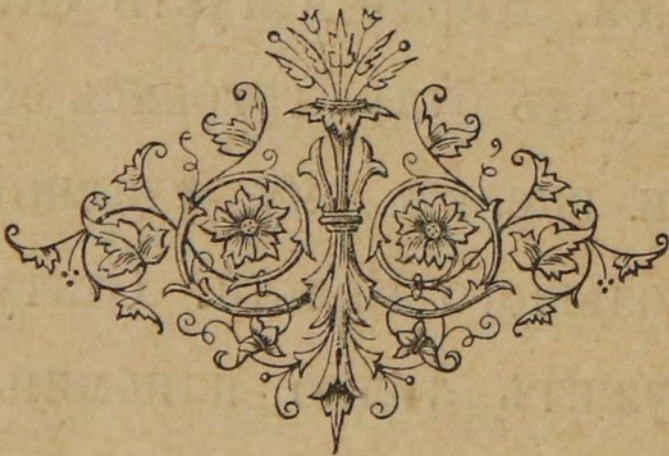
Выдававшееся на нынѣшней выставкѣ произведеніе г. Беклемишева рядомъ съ прелестной «Снѣгурочкой» шведскаго скульптора Гассельберга дало бы скандинавамъ понятіе о характерномъ для русскихъ представленіи о пробужденіи природы отъ долгаго оцѣпенѣнія. «Татьяна» г-жи Диллонъ, вызвавшая нѣсколько лѣтъ тому назадъ единодушное одобреніе всей нашей печати, могла бы познакомить нашихъ сосѣдей съ граціознымъ

воспроизведеніемъ поэтической героини нашей любимѣйшей и популярнѣйшей поэмы.

Кромѣ «Снѣгурочки» молодого, выдающагося скульптора Гассельберга, умершаго въ прошломъ году, въ числѣ скульптурныхъ работъ обращаютъ на себя вниманіе «Мальчикъ съ флейтой» датчанина Гербое, «Смерть и мать» Гансена-Якобсона, тоже датчанина, и произведе- нія самага талантливаго изъ нынѣшнихъ шведскихъ скульпторовъ Берьесона: «Братья», «Музыканты» и огромная статуя Карла X, помѣщенная на площади передъ павильономъ международной художественной выставки.

Фигура короля дышетъ отвагой, рѣшительностью и непреклонной волей. Карль-Августъ сидитъ на конѣ въ походной формѣ, какъ будто готовясь совершить извѣстный въ исторіи и вполнѣ ему удавшійся переходъ по хрупкому льду Большого Бельта. Статуя эта на выставочномъ полѣ служитъ точно напоминаніемъ о канувшихъ въ Лету временахъ, которымъ, надо надѣяться, не суждено повториться. Ледъ видимо сломанъ подъ теплымъ вѣяніемъ воцаряющихся идей мира и любви. Слѣдуетъ думать, что отнынѣ народы будутъ наносить другъ другу визиты не въ походной формѣ и не для того, чтобы обмѣниваться пулями, а произведеніями промышленности, искусствъ и литературы. Если при встрѣчахъ армій народовъ и будутъ палить пушки, то это произойдетъ на мирныхъ торжищахъ лишь по случаю празднествъ въ родѣ тѣхъ, которыя даются нынче на Скансенѣ въ Стокгольмѣ. Можно питать надежду, что

въ 1900 году всѣ народы вновь встрѣтятся для культурнаго обмена мыслей, на предстоящемъ всемірномъ праздникѣ цивилизаціи въ Парижѣ. На праздникѣ этомъ сосѣди—русскіе и скандинавы будутъ имѣть случай высказать другъ другу ту дань уваженія, которое они такъ заслуживаютъ и выраженія котораго еще болѣе укрѣпятъ между ними добрыя отношенія, особенно дѣятельно завязавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ выставки въ Стокгольмѣ.

Изданія К. Ю. Геруца:

Арефа, Н. И., Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній и правъ евреевъ на жительство и производство торговли въ Россійской Имперіи, съ сенатскими и министерскими разъясненіями, по послѣдн. оффиц. изд. Сводъ Законовъ, съ измѣненіями и дополненіями по 1 іюня 1897 г. 2-е исправленное и алфавитнымъ предметнымъ указат. дополненное изданіе 1897 г. 175 стр. Цѣна . . . 1 руб.

Карманный адресный указатель г. С.-Петербурга. Бульвары, буяны, вокзалы, дворцы, гостинницы, казармы, кладбища, монастыри, мосты, музеи, острова, памятники, парки, перевозки, пристани, рестораны, рынки, рѣки, скверы, сады, соборы, театры, церкви, улицы, линіи, роты, переулки, плацы, площади, набережныя, шоссе и дороги (въ алфав. порядкѣ съ показаніемъ ихъ границъ и подвѣд. въ суд. и полиц. отношен.), учрежд. прав., общ. и сосл. 191 стр. **25** к.

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
С.-Петербургъ, Гороховая, 6.

ΚΕΝΤΑΡΙΟΝ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ

ΠΡΟΣ

ΕΝ ΤΗ

ΒΙΒΛΙΟ

ΤΗΣ

ΧΙΣ

⋈